ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

« Здравствуй, моя дорогая Наташка!

Как ты там живёшь? Я знаю, что ты на меня в большой обиде за то, что я так долго, вот уже два с половиной месяца, как ничего не писал тебе. Но ты же понимаешь, что творится на белом свете.

С тех пор, как я послал тебе последнее письмо из Каменецких Выселков, мы всё это время, как говорится, на колёсах. Всё это время мы, почти не останавливаясь, двигались всё ближе и ближе к родным домам. И вот, двадцать второго декабря я был почти около тебя, моя дорогая девочка, в восемнадцати верстах, в нашем родном Новочеркасске. Но повидать я тебя никак не мог. Я же человек подневольный.

Но вот сейчас мы остановились и, как мне кажется, остановились надолго. Живём на Кубани, в станице Екатериновская, недалеко от границы с Доном. Стоим на постое в богатом курене одного богатого кубанского казака. Устроились хорошо, отдыхаем и даже вчера выкупались за несколько месяцев впервые в бане у другого, тоже богатого кубанца. Да здесь, кажется, и нет бедных.

Станица Екатериновская – это громадная станица на степной речке Ее, которая похожа на нашу Кадамовку.

Но начну всё по порядку. В Новочеркасске мы переночевали одну ночь, а потом спешно перешли в Старочеркасскую, где ночевали тоже одну ночь. Утром я хотел расспросить хозяина и сходить посмотреть на пепелище моей знаменитой прапрабабушки – она была отсюда родом. Об этом я тебе подробнее расскажу при встрече. Но чуть свет мы уже уходили за Дон, даже не успели посмотреть на знаменитые ворота от Азова и не менее знаменитые весы оттуда. Это, Наташка, - история, и я об этом тоже расскажу тебе когда-то.

Рождество праздновали в станице Хомутовская. А на третий день Рождества мы выступили из Хомутовской и пошли опять на юг. Два дня погода стояла хорошая, было слегка морозно, и лежал небольшой снежок. В дороге от нас сбежал наш повозочный Игнат Баштанников. Собственно, он не сбежал, а пошёл проведать своих родных, да там и застрял. Его станица была верстах в десяти от села Шамшево, где была наша первая ночёвка после Хомутовской.А жаль его. Это был замечательный паренёк, балагур и весельчак. Вместо него спешно пришлось подыскивать другого Автомедона, так как, к стыду нашему, никто из нас не смог найти общего языка с этими мулами. Это такие кони с длинными, длинными ушами. Да, может быть, такие уже были в нашей станице, и ты их видела.

Новый год застал нас на хуторах по речке Кугое – границе нашей области с Кубанской. И тут нас застала Крещенская оттепель. Нет, нет, я не ошибся. Не Крещенские морозы, а именно оттепель. Во время нашего перехода от хутора Ново-Ивановка до кубанской станицы Новосергиевской весь день с небольшими перерывами лил по-весеннему тёплый дождик, а когда показывалось солнышко, от земли шёл пар, прямо, как весной. Мы шли рядом с подводами и вымокли до нитки. Даже ноги наши в сапогах и ботинках были, как вёдра с водой. Сверх же обуви налипали пудовые гири грязи. Бедные наши лошади с трудом вытаскивали из дорожного месива ноги и, надрываясь, тянули залипшие грязью колёса. Пройдя сотню две саженей, транспорт наш останавливался, и тогда мы все бросались к повозкам и кто чем начинали очищать колёса от грязи.

Перед вечером, когда до станицы оставалось около пяти вёрст, ветер внезапно с западного переменился на восточный. Тучи рассеялись, прояснило, и стало морозить.

Мокрые наши шинели стали дубеть, руки мёрзнуть, ноги холодеть. И от этого скверно, до тоски, до полной безнадёжности, становилось на душе.

Но вот в начинающихся сумерках, когда наш обоз выполз из очередной лощины на пригорок, впереди нас приветливо сверкнул сначала один огонёк, потом ещё и ещё. Наконец, они затеплились в разных местах на тусклом розовом фоне потухающего морозного заката. И вместе с этими приветливыми огоньками в душе каждого из нас появилась надежда на жильё, тепло и после такого кошмарного перехода – на сладкий сон. Пусть на полу, пусть без соломы, пусть не раздеваясь, но только – в сухом, только – в тепле.

И вот, наконец, станица. Неистовый лай сотен потревоженных собак, гомон сотен людей, какие-то команды. Отовсюду – отсветы костров. Оставив у подвод повозочных, мы пошли на разведку – искать своих квартирьеров. Лавируя между чужих повозок, мы вошли в станицу. Станица богатая, дворы большие и хата от хаты далеко. Во дворах маячат громадные скирды соломы – признак тепла и сытости. Всё забито обозами по самую, как говорится, завязку.

До нас дошли зловещие слухи, что эта станица переполнена, но что совершенно свободна лежащая дальше по пути станица Новопашковская и что наши квартирьеры уехали туда. А до неё – около двадцати вёрст, и добраться туда в темноте по кочкам, не рискуя сломать лошадиные ноги и колёса повозок так же невозможно, как невозможно заночевать под крышей в этой станице.

Наконец, часам к двенадцати ночи, промёрзшие до последней жилки, уставшие до невозможности, мы кое-как втиснулись в один битком забитый повозками двор и сейчас же между повозок развели костры из соломы, взятой из громадной хозяйской скирды. Ни о каком ночлеге в хате и мечтать было нечего. А пар от мокрых шинелей стоял, как в парилке. Кое-как, с грехом пополам, к рассвету мы подсушились, и в это время одна из частей выехала из нашего двора. Стало немного просторней, и мы пошли попытать счастья всё же пробраться в хату. С большим трудом нам удалось протиснуться и стать, как и стояли все – какое у ж тут сидеть, - но уже в настоящем тепле.

И представь себе, Наташка, в этой переполненной чужими людьми хате, за сотни вёрст от родного дома, я встретил своих станичников – своего соседа Илью Морозова, двоюродного брата твоей подруги Ленки, и Петра Рябова. Ты должна его знать. Я их не видел с июня и недоумевал, откуда они могли тут взяться? Они всё время были на позиции, а позиция сейчас могла быть только около Дона. Это только нас, тыловиков, отводили дальше, в тыл. Оказалось, что они были на пулемётных курсах в Ростове, эвакуировались оттуда и присоединились к нашему обозу вчера в хуторе Ново-Михайловском. Остаток ночи прошёл в разговорах про станицу и дом. Весь следующий день мы шли вместе до Новопашковской, где простились, и я их больше не видел.

В станицу Екатериновскую, откуда я пишу тебе это письмо, мы притащились накануне Крещения. В дороге у нас произошла большая неприятность. У нас украли, при переправе через речку Ею, по нашей халатности и беспечности, две пишущие машинки, за что получили страшный нагоняй от самого командира полка генерал-лейтенанта Хрипунова. Но это мы ещё хорошо отделались. Могло быть гораздо хуже.

Я думал, что от стольких передряг, ночлега мокрыми на морозе, переходы по непостижимой грязи я заболею, а после этой крупной неприятности ещё и поседею. Но, представь себе, у меня даже не было кашля, даже насморка. А насчёт седины, даже стыдно и смешно тебе признаться – я всё время смотрелся, где это возможно, в зеркало, - не осталось на самом деле никаких следов от генеральской нотации. Но не для всех эти переходы под дождём и морозом, ночёвки зимой на дворе мокрыми у соломенных костров прошли благополучно. Один из моих сослуживцев, болевший ещё с

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Воронежского похода на Москву, был забран в полковой походный лазарет и вчера умер. Пользуясь тем, что все ушли на похороны, а я остался один дежурным по канцелярии, пишу тебе это письмо.

Ну, Наташка, всё! Прости меня за то, что я так измучил тебя своим длинным письмом. Но зато я написал тебе всё, всё!

Бывай здорова, моя кохана! Твой Андрей».

2

Хотя я и заверил Наташку, что написал ей всё, всё, ничего не тая, кое-что я всё-таки скрыл. Я не написал ей подробно о нашем разговоре с Ильёй и Петром из-за страха предстать перед контрразведкой.

Утром, по дороге в станицу Новопашковскую, они посвятили меня в свои планы. Они решили дезертировать и тайком пробираться в станицу. Предложили и мне присоединиться к ним.

- Позвольте, ребята, как же это? А если нарвёмся на красных? Что они, спасибо нам скажут, когда мы явимся пред их «красные» очи? Возьмут и шлёпнут! Хорошенькое дело – из огня да в полымя!

- Ну, и дурак же ты, Андрюшка! Или просто прикидываешься дурачком? Так ведь мы же к красным и перебегаем! Перебегаем добровольно, сами, пока не поздно. И ты не бойся в отношении к красным, у нас есть их воззвание ко всему казачеству. Но только страшно тебе его сейчас показывать. В этом воззвании они прямо приглашают нас всех переходить на их сторону и ничего не бояться…Ну, так как?

- Не знаю ребята, надо подумать.

- Ну, смотри, тебе видней. Наше дело – предложить. Только о нашем разговоре смотри – никому ни слова!

- Да вы что? Разве я не понимаю?

При прощании они всё же сунули мне бумажку с воззванием. На следующее утро я их больше не увидел, по-видимому, они всё же ушли. Велико было желание сразу прочитать эту, жёгшую карман бумажку, но подходящего момента не представлялось. Случай представился лишь в Екатериновке, когда все ушли на похороны Чуркина и я остался один в канцелярии. Перед тем, как написать Наташке письмо, я достал вырванные из тетрадки два листа, где красивым Илюшкиным почерком химическим карандашом было написано:

«Трудовые казаки Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга и Сибири!

Всероссийский Съезд Советов рабочих, красноармейских и трудовых казачьих депутатов, избранный волей миллионов трудовых людей нашей страны, обращается к вам с этим словом увещевания и призыва.

Братья казаки! Бесчестная борьба, затеянная из-за честолюбия, жадности и корысти бывшими царскими генералами, помещиками и фабрикантами с Советской рабоче-крестьянской Россией, близится к концу. Колчак, Юденич разбиты. Деникин отброшен мощным ударом и откатывается на юг. Судьба контрреволюции предрешена. Она бьётся в предсмертных судорогах. Её не спасут уже ни золото союзников, ни английские танки, ни кровь несчастного казачества…

Казаки! Подумайте честно и скажите твёрдо: неужели вы и дальше готовы поддерживать вековых врагов и угнетателей трудового русского народа? Вас долго обманывали, братья казаки! Генералы и помещики говорили вам, будто Советская власть хочет отнять у вас земли, разрушить ваш быт, закрыть ваши церкви, насильно ввести коммуну. Это – коварная ложь и клевета!

Земель ваших Советская власть не тронет. Напротив, трудовым казакам она предоставит те земли, которые будут отобраны у помещиков и кулаков. Наряду с

казаками будут наделены и казачки. Трудовым низам казачества, разорённым вконец кровавыми насилиями Каледина, Краснова, Деникина, Дутова, Колчака Советская власть окажет всемерное содействие. Никого из вас, казаки, Советская власть не потащит в коммуну. Знайте, коммуна - дело добровольного согласия. Кто не хочет идти в коммуну, будет иметь полную возможность жить своим хозяйством под защитой и при поддержке Советской власти.

Церковь в Советской России отделена от государства и стала свободным достоянием верующих. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления церквей и религиозных обычаев Советская власть не допустит и не потерпит…

Казаки! Советская власть чужда мести, она готова предать забвению ваше заблуждение, ваши прошлые грехи, ваше преступное участие в борьбе с рабоче-крестьянской Россией… Бросайте ряды белогвардейских банд…, переходите на сторону красных войск и Советская власть протянет вам руку примирения и встретит вас, как раскаявшихся братьев. От имени десятков миллионов тружеников и тружениц города и села, мы говорим вам: «Пробудитесь, опомнитесь, одумайтесь, казаки! Идите к нам! И тогда мир, спокойствие и благоденствие наступят на Дону, Тереке, на Урале, в Сибири и по всей стране».

Долой кровопивцев – генералов, помещиков и капиталистов. Да здравствует честное, сознательное, красное казачество!

Да здравствует нерасторжимый союз рабочих, крестьян и казаков всей России!

Председатель УП Всероссийского Съезда Советов М. Калинин.
Секретарь Съезда В. Аванесов».

Прочитав это воззвание, я решил ни жечь, ни рвать эту бумажку, а дать почитать её ребятам. Но дать так, чтобы они не знали, кто им её подсунул. Кто знает, что у них на уме. Все они ребята, вроде, хорошие. Был один сволочь – Каменков, но его нет у нас ещё с Воронежской губернии. Внушает некоторое опасение Овсянкин, так как часто спорит с фронтовиком Андреем Васильевичем и ругает красных. И я решил подсунуть её Андрею Васильевичу.

Когда на следующий день все были на работе, заняты своими делами и все лазали в сундук за разными папками, я тоже полез в сундук и незаметно всунул воззвание в одну из многих папок старшего писаря. Тот обнаружил её только к вечеру. Усевшись за стол с взятой из сундука папкой и перебирая ней бумаги, Андрей Васильевич вдруг остановился и стал что-то читать. Я следил за ним искоса и дрожал не то от волнения, не то от страха. Андрей Васильевич делал круглые глаза и пожимал плечами. Потом подозрительно посмотрел на всех нас, скомкал эту бумажку, положил в карман и вышел во двор. Что он там с нею сделал, так для меня и осталось неизвестным, так как Андрей Васильевич никогда ни словом не заикнулся о ней.

Обо всём этом я в письме Наташке ничего не написал, хотя и письма этого Наташка не дождалась никогда. Когда я зашёл на Екатериновскую почту, чтобы сдать письмо заказным, почтовый работник вернул мне конверт со словами:

- В Совдепию писем не принимаем.

- В какую Совдепию? – не понял я. – Мне нужно в Черкасский округ Донской области. Ведь тут же написано ясно.

- Вот, вот, в твоём Черкасском округе давно уже Советская власть. Ведь об этом же всем известно.

Я-то знал и до этого, что у нас – красные, но в простоте душевной полагал, что война - войной, политика - политикой, а почта – почтой.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Петро и Илья, не дождавшись от меня определённого ответа, решили привести в исполнение свой план вдвоём. Утром, когда обоз полка, к которому была прикомандирована их Ростовская группа, выстроился уже, чтобы идти на Екатериновскую, они отпросились отлучиться у своего старшого под предлогом добычи что-нибудь поесть и ушли. Ушли, чтобы больше не возвращаться. До вечера они протаскались по переполненным чужими частями хатам, а ночью двинулись обратно.

В первую ночь по бездорожью, так как боялись наткнуться на ненужную встречу, ребята отмахали тридцать с лишним вёрст и утром на рассвете вошли в Гуляй-Борисовку. И так как они пока ещё не теряли своего воинского обличья, то есть были при погонах и кокардах, а притворились разыскивающими свою часть, никто не поинтересовался ни кто они, ни что они тут делают в погонах атаманского полка.

Вообще нужно сказать, что белые в этом отношении были исключительно беспечны. Даже я, неискушённый в военных тонкостях, заметил ещё с Воронежской губернии никак непростительную в условиях военного времени беззаботность. При размещении воинских подразделений по сёлам и деревням никогда не выставлялись ни общие заставы, ни общие гарнизонные сторожевые охранения. И никогда никто не спрашивал у подозрительных лиц, что он за человек и что тут делает. Быть может, это относилось только к тылам, располагавшимся всегда до тридцати-сорока вёрст вглубь от позиции. Но, по-моему, это должно быть всё равно. Пропуском служили только погоны да подтянутый воинский вид или крестьянская свитка и картуз. По-видимому, белые очень надеялись на свой авторитет у населения.

Этим ротозейством и пользовались Петро и Илья. Они запаслись в Гуляй-Борисовке харчами и на вторую ночь, также никем не замеченные и никем не опрошенные, прошли около сорока вёрст до хутора Андропова. Безопасный путь ребятам облегчало ещё и то, что стояли тёмные, бесснежные, с туманами ночи. Месяц поднимался только к рассвету, но он почти не давал никакого света. Идти было сравнительно тепло, так как, хотя и стояла пора крещенских морозов, но они были лёгкие, южные. А тут ещё согревало до испарины пешее движение без отдыха и сильное нервное напряжение. Так по ночам они продвигались всё ближе и ближе к родному дому.

В одном месте они напоролись на конный разъезд белых. Их остановили, спросили, кто они такие и потребовали предъявить документы. На их счастье, у них сохранились увольнительные записки в город Ростовского учебного дивизиона Первой Донской конной дивизии, подтверждающие принадлежность задержанных к белой армии. Ребята объяснили, что они отстали от обоза, при котором отступал их дивизион, и теперь ищут конно-пулемётную команду атаманского полка, в списочном составе которой они числятся и которая, по их сведениям, должна находиться где-то здесь, вот в этом районе.

Спросив, кто начальник команды, кто командир полка, кто начальник хозяйственной части, командир разведки объяснил им, что они отклонились далеко вправо. Что разыскиваемая ими часть находится в хуторе Алитуб, рядом с Арпачином, и указал дорогу. Разъезд поехал дальше, а ребята продолжили путь по-своему. В хуторе Княжно-Леонов (теперь Красный) находилась уже передовая. Отсвечивавшие, бывало, чуть ли не за сто вёрст по Задонским далям электрические зарева Ростова и Новочеркасска теперь видны не были. Их потушили суровые законы войны.

С этой стороны Маныча, до которого от окраинных хат оставалось версты с полторы – окопы и сторожевые посты белых. С той стороны реки, то есть с правой – красные. Лёжа в окопах, обе стороны изредка постреливали по слишком открытым целям. Кое-когда слышались один-два орудийных выстрела. И опять всё тихо. Даже перепуганные таким множеством людей и стрельбой, собаки и те залезли в свои конуры и не тявкали. Чуют своим собачьим чутьём, что тут не шутят.

Отступающие белые взорвали за собой все мосты и переправы. А по взбухшему от январских оттепелей солоноватому льду Маныча красные боялись бросить без поддержки артиллерии свою пехоту и конницу, так как переправить на левый берег Маныча тяжёлые артиллерийские упряжки нечего было и думать.

Как с одной, так и с другой стороны, под прикрытием кустов тальника, репейника и согнанных осенними ветрами в затишки огромных шаров перекати-поле лежат секреты, зорко просматривающие сторону противной стороны и предупреждающие все его кажущиеся каверзы. Кое-когда съедутся на приличном расстоянии конные разъезды, быть может, соседей, братьев, сватов, кумовьёв, просто бывших друзей, помашут кулаками, обменяются с помощью мата, помянут всех Богов, Богородиц и святых угодников и разъедутся.

Пробраться на другую сторону Маныча можно было только с величайшей предосторожностью на рассвете, когда у самого заядлого служаки невольно слипаются глаза и он на минуту проваливается в небытие. Всё это ребята разузнали и решились на отчаянный шаг. Они разыскали в хуторе небольшой штабик какой-то части, смело вошли в хату и обратились к одному из штабных офицеров с вопросом – не знают ли в штабе расположение конно-пулемётной команды атаманского полка, которую они ищут, и выдвинули ту же версию, что и командиру разведки.

Проверив документы – те же увольнительные записки – и тоже расспросив о фамилиях некоторых офицеров полка, штабист сообщил им, что их часть занимает оборону между станицей Манычской и хутором Арпачин и что им придётся прогуляться ещё вёрст двенадцать. Набравшись нахальства, ребята обратились к штабисту:

- Господин сотник, мы шатались всю ночь, очень устали. Нельзя ли нам перебыть хотя бы до вечера в хуторе, немного отдохнуть. И нельзя ли, господин сотник, попросить у вас хотя бы какую-нибудь бумажку о том, что мы направляемся в свою часть, а то, знаете, шатаемся на передовой, ещё налетим на таких, что… А наши увольнительные возьмите себе к делу.

Принимая во внимание смелую явку в штаб, точное знание имён, отчеств, фамилий почти всех командиров частей атаманского полка, а подъесаул Архипов оказался сотнику ещё и однокашником по юнкерскому училищу, сотник поверил и выдал ребятам один общий пропуск до хутора Арпачина.

Пропуск ребятам был нужен как оправдание их легального пребывания в прифронтовом хуторе до вечера. Они хорошо отдохнули, основательно подкрепились в одном из переполненных солдатами дворов, узнали из отрывочных разговоров о состоянии льда на Маныче и решили во что бы то ни стало, а к рассвету перебраться на ту сторону.

Никто из спавших вповалку на полу не обратил внимание, как часа в четыре утра двое постояльцев встали, вышли во двор и больше не вернулись. По дороге им встретился патруль. Ребята предъявили ему свои документы и спросили, как выйти на дорогу до Арпачина.

- Как выйдите из хутора, увидите две дороги, одна – влево, это на Маныческую и дальше, куда вам нужно, а другая – вправо, на мост через Маныч и на станицу Багаевскую, к красным. Только от моста одни чурбаки из подо льда торчат. Так вы идите по левой дороге, а то попадёте в лапы к красным. Поняли?

- Поняли! Как не понять! Спасибо!

Был предрассветный час. Темноту ещё более сгущал небольшой туман. С одной стороны, это было на руку ребятам, а с другой, они боялись потерять ориентировку и заблудиться. Но, запомнив ещё на выходе из хутора направление небольшого ветерка, дувшего с восточной стороны, они так и шли, подставляя под него правые щёки и стараясь не уклониться от дороги. Взлохмаченная в дни оттепели тысячами колёс, она в темноте чернела, как широкая полоса вспаханной и немного припудренной инеем зяби.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Хруст от остекленевшей за ночь травы выдавал шаги ранних путников. Поэтому они часто останавливались и прислушивались. Но всё было тихо, как в пустыне. Наверное, и на самом деле обе враждующие стороны спали, как намаявшиеся за день на пахоте пахари. Но вот ребята почувствовали, что недалеко река. Они упали на землю и поползли. Бешено колотилось сердце. Казалось, что стук его могут услышать рядом расположенные секреты. Но их страшили не красные. Они почему-то были уверены, что, если красные их сгоряча не расстреляют, то тогда уже всё – они останутся живы. Они боялись своих. У своих разговор будет короток. Такие грамотные люди, как Илья, да к тому же – оба почти местные, заблудиться не могли никак. Значит, они попали сюда умышленно. А в таких случаях у белых разговор короткий – к стенке.

Вот и Маныч. Сквозь густую уже пелену тумана что-то тускло белело в темноте – то и лёд, то ли разводье. Ребята долго лежали и совещались.

- Ты понимаешь, - прошептал Илья Петру, - вода была бы тёмной, а это белеет. Значит, это лёд. Давай пробовать.

Тишина кругом не нарушалась ни единым звуком. Они тихонько сползли с берега к реке и осторожно попробовали ногами лёд. Да, это был немного подтаявший, но всё же лёд. На их счастье, туман ещё более сгустился, и, когда они добрались до середины реки, берега уже не было видно. Они осторожно, боком, двинулись дальше по сырому льду к обетованной земле и благополучно на неё выбрались.

Кругом было тихо. Ребята посрывали погоны и кокарды, зарыли их в грязный остаток обмякшего у окрайниц снега и взяли направление на Багаевскую. Они уже прошли Голые Бугры, когда на рассвете, недалеко от хутора Белянина, их заметили, и в предрассветной мгле помчались им наперерез какие-то всадники с гигантскими палашами в руках.

- Сто-о-о-й!!!…мать твою, сто-о-о-й!!!

«Вот и конец», - подумали оба, когда конники окружили их плотным кольцом. На них были дублёные овчинные полушубки и белые бараньи, с красными перевязками, шапки. Они страшно ругались и угрожали ребятам палашами, пока один из них, по-видимому, старший, не скомандовал:

- Отставить! Шашки в ножны! – и к ребятам:

- Кто такие и откуда?

Ребята объяснили, что они только что перебежали «оттуда».

- Ладно, в штабе разберутся. А ну-ка, Губарев и Дудник, доставить их в штаб бригады, да смотрите – без фокусов, головой ответите!

Под конвоем двух конных красноармейцев ребят повели в хутор.

- Что же, не понравилось, что ли у генералов? – спросил один из конвоиров. – Когда ваша брала, тогда вы не перебегали, а теперь, когда…

- Ну, будет тебе, - останавливал другой.

- Будет, будет! Их, гадов, на месте нужно шлёпать, а не возиться с ними по штабам да цацкаться. Видят, что их не берёт, ну и давай – мы, дескать, всё осознали!

- Хватит, Дудник, вечно ты! Вшу убить жалеешь, а сейчас, вишь, как разошёлся! Туда же!

- Да, вшу убить жалею, а этих паразитов,…твою мать, нет! Сколько они нашей кровушки попили!

- Ну, хватит, хватит! Там разберутся, пили они твою кровь или ели.

Ребята шли, вобрав плечи в головы и не чувствуя ног. Они каждую секунду ожидали, что вот-вот раздастся лязг затворов, и у них темнело в глазах.

В штабе конной бригады ребят опросили и под конвоем опять двоих, но уже других красноармейцев, отправили в Багаевскую. Там их в одном из штабов долго и скрупулёзно допрашивал военный с выправкой бывшего строевого офицера. А после допроса предложил:

- Послужить у нас не желаете?

Ребята слышали, что такие предложения делаются каждому перебежчику, но что поступление в ряды Красной армии тотчас по перебежке не обязательно, а исключительно добровольное желание. Поэтому, подготовленные к такому вопросу, ответили:

- Так точно, желаем! Но нам хотелось бы хоть на один денёк домой, стряхнуть с себя разных козявок и переодеться.

Военный понимающе кивнул головой:

- Ну, что же, вполне законное желание. Мы никого не принуждаем. Домой, так домой. Хорошо уже и то, что вас «там» нет. Вот получите пропуска и валяйте! Восемь вёрст, говорите?

- Так точно, семь-восемь!

- Так вот, ребята, сначала в своей станице в первую очередь явитесь к военному коменданту, потом – в станревком, а тогда уже пойдёте по домам стряхивать с себя своих «фронтовых подруг».

Итак, из красного, как называла нас с отцом Илюшкина бабка Платониха, я стал кадетом, а её внук из кадетов стал красным.

4

В станицу ребята пришли, когда станичники гнали к Аксаю на вечерний водопой скотину, а бабы шли по воду.

В станице ничего не изменилось. Всё было так же, как и при атаманской власти. Только станичное правление снова было переименовано в станичный ревком, а вместо атамана стал председатель ревкома. Большинство казаков военного возраста, начиная от нашего и до стариков, были дома. При отступлении большая часть мобилизованных в белую армию завернула в станицу и рассосалась по домам. Многие из молодёжи записались добровольцами в партизанский отряд Жлобы и теперь где-то по Задонью, на Маныче, громили своих недавних однополчан. Среди этих добровольцев были и мои сослуживцы –пропавшие без вести Андрей Глухов, Григорий Субботин и Наташкин брат Василий. И лишь немногие, в том числе и мы с Жоркой, продолжали пребывать в армии белых.

Из станицы убежали несколько напуганных рассказами о большевистских насилиях молодых, красивых казачек, мужья которых или пошли в отступление или, разминувшись с ними, пришли домой. Не ушёл из станицы даже бывший атаман, член Войскового Круга, страстный ненавистник большевиков Назар Александрович Морозов. Это тот, у которого когда-то был вырублен родственниками виноградник. Не стали бежать из станицы и другие бывшие «сильные мира сего». Из бывшего станичного начальства сбежал только Павел Алексеевич Устинов – Бессергеневский Пришебеев. К моменту бегства он «за добрую и усердную службу Всевеликому Войску Донскому по охране и спокойствия» уже имел чин хорунжего.

Несмотря на то, что до станицы доходили отзвуки боёв на Маныче и несмотря на то, что станица была наводнена до отказа военными, их конями и обозами, станица зажила весёлыми порядками, которые принесли с собой большевики. С первого же дня их прихода во вместительных коридорах школы устроили временную сцену, с подмостков которой армейские «артисты» смешили до колик не очень-то взыскательную публику, показывая «сотворение мира» на украинском языке, хитрых денщиков и наивных офицеров, умных батраков и глупых попов. Вперемежку с этим ставились революционные пьесы с красными знамёнами, криками «ура», со стрельбой из пистолетов с холостыми патронами, от которых шарахалась и визжала женская часть зрителей, и с длинными, торжественными, большинству непонятными монологами.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

А неиспугавшиеся большевиков бессергеневские жалмерки, мужья которых месили задонскую и кубанскую грязь, освоившись и увидев, что большевики не такие уж и страшные люди, в большинстве кубанцы и донцы из верхних станиц, стали устраивать вечеринки с непременным участием «славных парней, почти как наши казаки», в красных галифе со шпорами и даже с чубами. И свёкры сквозь пальцы смотрели на своих расшалившихся невесток, усматривая в этом залог своей будущей безопасности за то, во что они не переставали верить, что рано или поздно, а придётся держать ответ перед большевиками за свои вольные или невольные перед ними грехи.

Три двухрядки, одна мандолина и одна балалайка составляли музыкальную часть культпросвета, которой руководил спрятавший лычки, кресты и медали иногородний Дмитрий Панарин. Он всё время поджидал, что вот-вот в станице появлюсь я, чтобы привлечь в их кружок меня с баяном. Но когда Петро рассказал ему о встрече со мной и о нашем разговоре, Дмитрий понял, что я не вернусь.

- А ты не знаешь, Петро, баян Андрюшкин дома?

- По-моему, дома.

- А как бы узнать точно? Как бы нам этот баян сюда, в кружок?

- А кто же на нём будет играть, дядя Тарас, что ли?

- Ну, зачем же дядя Тарас? Мы попросим баян напрокат, и я начну учиться.

- Едва ли дядя Тарас даст такую вещь в чужие руки.

- А если всё же попросить? Ведь ты же с Андреем дружил, так неужели дядя Тарас тебе откажет?

Петро согласился, и они пошли к отцу, прихватив с собой Максима, который сбежал из своей Новочеркасской авиачасти и кем-то околачивался сейчас в ревкоме. Для ясности следует оговориться – для строительства новой власти станичному ревкому потребовались более или менее грамотные люди. Этим воспользовались многие из молодёжи, которым не очень-то хотелось поступать в действующую Красную армию и они, используя кое-какие протекции, влезли в аппарат ревкома и тем самым избавились от фронта. В частности, так поступили Петро с Ильёй, Максим, Дмитрий Панарин и другие ребята.

Наши вместе с двумя стоявшими у нас на постое красноармейцами в это время ужинали. Ребята поздоровались и присели на лавку.

- Чего же на лавку, садитесь вечерять с нами, - пригласил отец.

- Спасибо, только отужинали.

Дождавшись, когда красноармейцы поужинали и вышли во двор, ребята заговорили о цели своего прихода.

- Дядя Тарас, об Андрее ничего не слышно?

- Нет, ничего! Как в воду канул.

- Вот что, дядя Тарас, Андрея сейчас нету, да и вернётся ли в скорости – неизвестно, а баян стоит у вас без дела. Не дадите ли вы нам его в культпросвет недельки на две? А там обещают и баян, и пианино из города…

- Какой баян? – сделал круглые глаза отец. – Ведь он же у Андрея. Как был тогда осенью Андрей на побывке, так и забрал его с собой.

Отец сказал это так искренне, что ребята на минуту усомнились в слухе, что баян отец где-то прячет. А это было именно так. После того, как я уехал, баян ещё некоторое время стоял на комоде в зале, и его видели приходившие к нам в гости и на посиделки соседи и родственники. Но как только фронт начал откатываться на юг, отец завернул баян в разное тряпьё и закопал в землю под одной из тысячей виноградных фашин (скрученные в одну связку несколько виноградных лоз для удобства укрытия на зиму землёй).

- Ведь это неправда, дядя Тарас. Мы же знаем, что баян дома. Ведь его же видели у вас после того, как Андрюшка уехал.

- Не верите? Ищите!

- Да зачем же нам искать? Ведь мы же не с обыском к вам пришли, а просто попросить баян на время. Ну, так как, дядя?

- Ну, вы, ребята, чисто маленькие, где же я его возьму, если его нет? Неужели не верите?

Ребята не поверили и ушли. А потом приходили ещё несколько раз и приставали даже с угрозами, особенно со стороны Максима.

- Вы же знаете, дядя, что баян куплен в складчину – Андрюшкой, мной, Петром и Егоркой, - говорил Максим отцу, отводя глаза в сторону, - и мы имеем на него такие же права, как и ваш Андрюшка. Вот возьмём и обыщем. Ведь Андрюшка то теперь против нас!

- Ты сам, Максим, да и вы, ребята, без году неделя как оттуда. Так чья бы мычала, а твоя бы молчала. А что насчёт складчины, так это ты мне не пой. Андрей купил баян один. И купил за те деньги, которые ему дал я. И обыском меня не стращайте. Имеете право обыскивать – обыскивайте, только сначала дайте бумажку от Василия Яковлевича (председателя станревкома).

Предъявить какой-либо бумажки на право обыска ребята, конечно, не могли. Они ходили и в ревком, и к военному коменданту за разрешением на право обыска, но поскольку это не было связано с хранением оружия, ни один, ни другой права на обыск не дали. Долго ещё ребята ходили к отцу и клянчили, предлагали даже в качестве компенсации какого-то сомнительного происхождения бычка, но отец упорно стоял на своём – баяна дома нет. Наконец, они отстали.

5

При прохождении фронта через станицу у отца забрали обоих коней, причём, Ваську забрали белые – коноваловцы, а Абрека красные - жлобинцы. Также красные под дулом нагана изъяли из комода пару серебряных карманных старинных часов – память моего покойного деда. И теперь печальная перспектива потерять сына заставила обычно сговорчивого отца проявить твёрдость и не лишиться последней памяти о сыне. Он решил во что бы то ни стало сохранить баян как память о том, кого он любил больше своей жизни, не проявляя эту любовь открыто не только на людях, но даже и перед матерью. Как раскаивался теперь отец, что во имя этой любви ко мне, во имя моего счастья, как думал он тогда, причинил мне два года назад такую боль. Как сожалел теперь отец, вспоминая мои переживания и слёзы. Как он ругал себя в душе за непонятное ему самому тогдашнее упрямство. Как бы он хотел, чтобы те дни повторились вновь. Теперь бы он поступил бы совершенно по-иному.

Когда Илья сразу по приходу в станицу пришёл к нашим и рассказал о встрече со мной, и как они с Петром склоняли меня присоединиться к ним, и я им ничего определённого не ответил, а они не стали меня уговаривать и ждать, отец долго молчал, а потом, ломая руки, проговорил:

- Не понимаю! Просто не понимаю, что это с ним такое приключилось? Почему он стал таким заядлым кадетом, когда же видно, что на носу гибель?

Управляя теперь скотину, он подолгу оставался за скирдой сена и, глядя в туманную даль Задонья, где сейчас скитался я и откуда иногда доносились отзвуки далёкой канонады, частенько беззвучно плакал. А ночью они с матерью долго не спали и говорили шёпотом всё об одном и том же:

- Ума не приложу, мать, что случилось с нашим воякой? Не понимаю, почему он не сделал так, как сделали почти все его однополчане. Не понимаю, почему он не отважился завернуть домой ишшо из города. Да и с ребятами не вернулся с Кубани. Неужели же он так предан Всевеликому? Так этому Всевеликому приходит конец, это всем понятно. Ты как думаешь, мать?

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Не знаю, отец, не знаю! Я только молю Бога, чтобы сохранил его живым!

- Слухай, мать, а может, он на нас обижается?…Эх! Напрасно мы тогда с ним так поступили!

- Не поступили, а поступил. Я ж тебе тогда что говорила? Так нет, затвердил своё. Да разве можно тебя когда переспорить? Недаром пращур твой был хохол!…А может, и обижается и поэтому не идёт домой.

- Кто ж его знал, мать. А может, это и к лучшему. Сейчас мы хоть об одном думаем, а тогда бы о двоих, а может, и о троих. Задрала бы теперь невестушка хвост и до свидания… Послухаешь, так аж верить не хочется. Сукины дочери, что вырабатывают прямо с красными.

- Да она то, может, и не вырабатывала бы, ведь её же нет дома. Пошла в отступление вслед за мужем.

- Да-а-а! – вздыхал отец.

- Ну, нечего теперь вздыхать! Дал бы только Бог, чтобы жив остался да домой пришёл…А жену найдет, да ишшо какую найдёт! Хотя бы вот твоего полчанина – Семёна Рубцова дочку. Помнишь, на «Алексея» была на проводах? Какая славненькая! Она мне так в душу влезла!

- Да у тебя губа – не дура! Что хорошая, то хорошая, но уж дюже молоденькая, как ребёнок… Да, мать, невест то мы ему подбираем, а увидим ли мы его когда-нибудь самого? Ведь он, считай, чуть ли не за границей. Что-то мне не верится, чтобы белые одолели и пришли сюда опять. Сбросят их красные в Чёрное море. Будет наш Андрюшка купаться в Чёрном море!

- О! Сохрани его царица небесная!…Я видела, отец, как-то про него сон. Будто бы спускаюсь я в сад, вот как тогда, осенью…, - и мать начала рассказывать отцу в который уже раз один и тот же сон или на самом деле ей снившийся, или порождённый фантазией её исстрадавшегося материнского сердца.

Поплакав немного вместе, они засыпали с надеждой, что новый день принесёт им что-то новое о сыне. Но дни летели за днями, а ничего нового обо мне они больше не слышали. Фронт отодвинулся дальше. В станицу пришли печальные вести – в боях на Маныче, у хутора Весёлого, был убит Наташкин брат Василий Рубцов. Были убиты и ещё двое моих годков – Григорий Субботин и Илюшка Буланов. Все они при отступлении белых через станицу остались дома, а потом добровольно поступили в Красную армию, пошли с нею в наступление и в первых же боях сложили свои головы за новую власть, против которой воевали почти девять месяцев.

Потом все тыловые части и обозы красных из станицы ушли. Станица зажила мирной жизнью и стала готовиться к весеннему севу при новой власти, которая потребовала, чтобы засеяно было всё то, что засевалось раньше.

6

Получив от Андрея четыре письма, почти одно за другим и ответив на них, как могла, Наталья впала теперь в чудесный мир сладостных грёз. Оставаясь одна или лёжа без сна в своей девичьей постели, она в уме в сотый раз перебирала начальные строчки писем и думала:

- Значит, это правда. Он не только говорил ей тогда такие, заставлявшие трепетать девичье сердце слова, но теперь пишет их ещё на бумаге. Пишет и письма шлёт ей. Так и пишет на конвертах – Рубцовой Наталье Семёновне.

Вроде, в письмах этих ничего особенного и не было, больше всего – о их кочевой жизни, но за каждым словом Наталья женским чутьём угадывала, что Андрею она не безразлична. Письма эти она читала, перечитывала, хвалилась ими невестке Дуне, подругам, а особенно «тайной» – Ленке.

Дуня относилась к радости своей золовки скептически:

- Не верь ты им, кобелям. Ты думаешь, у него там никого нет? Это он пишет так, лишь бы крутить молодой девчонке голову. Вот про твоего же братца мне пишут…

Наташка дулась на невестку и обижалась за Андрея. Нет, её Андрей не такой, как другие, даже её родной брат. И она и мысли не допускала о том, что у него есть кто-то там. Подруги, немного ревнуя её к ничем не обязанному им Андрею, старались отговорить её сохнуть по Андрюшке, говорили, что он старый, что ему уже почти двадцать лет, а ей всего только семнадцатый. Говорили, что Алёшка Архипов – ей ровесник и многим лучше Андрюшки да и находится дома, как и их ухажёры, с которыми они проводят всё своё свободное время почти каждый вечер, а она только вздыхает да читает уже зачитанные его письма.

На замечания подруг, подготовленных их ухажёрами – друзьями Алёшки, Наташка оскорблялась в лучших своих чувствах, а на домогателя Алёшку, который безуспешно добивался её взаимности вот уже больше года, не хотела даже смотреть, хотя он, бедный, ходил к её двору каждый вечер – и всё напрасно. Она ни под каким видом не соглашалась остаться с ним наедине хотя бы один раз. Оскорблённая, она не знала, с кем поделиться своими сомнениями и обращалась всё к тем же письмам. Её неудержимо влекло к комоду невестки, где с её разрешения она хранила переписку. Однажды, увлёкшись чтением писем, быть может, в сотый раз, Наталья не заметила, как сзади стала мать и спросила:

Ну, чего ты хоронишься от родной матери? Невестка скажет одно, подруги – другое, ишшо кто-нибудь – третье, но родная мать всегда скажет только правду. Сердце родной матери – вещун. Но напрасно ты за ним так убиваешься. Ведь мне всё рассказала Дуня, да и я не вижу, что ли? Парень он хороший, хороших родителей, но где он? Бог его знает, чем это дело закончится, ведь война, а тут ишшо могут люди какие хорошие найдутся, а ты…

- Да чего вы, мама? Ведь это же пока только одни письма и больше ничего. Что же мне и переписываться ни с кем нельзя? Монашкой что ли прикажете жить? А насчёт хороших людей бросьте меня уговаривать. Никто мне из ребят в станице не нравится, да и рано ишшо об этом говорить.

- Да я ничего, я просто так. Оно ишшо на самом деле – курочка в гнезде, а яичко…, а мы уже и поругались.

Но как стремительно начался поток писем от Андрея, так же быстро и прекратился. Как отрезало. И Наталья, ходившая на почти чуть ли не ежедневно и всё безрезультатно, не могла себе объяснить такую резкую перемену в настроении Андрея. Неужели Дуня и мать правы?

Почтарь Кузьма Иванович, привыкший уже к этой аккуратной ежедневной посетительнице, неизменно и добродушно сочувственно отвечал ей:

- Нету, дочка, нету! Наверное, пишет.

Но вот по станице поползли слухи, что «наших» гонят из Воронежской губернии и что они уже находятся около станицы Каменской. И как подтверждение этому, вскоре через станицу стали ползти на Багаевский мост через Дон тыловые части белых – ветеринарные лазареты, разные походные мастерские, интендантства, обозы. Некоторые части останавливались в станице на ночлег, а иные кочевали дальше. Зная из писем Андрея, что он служит далеко от передовой, Наталья стала вынашивать мечту встретить Андрея среди этих в зелёном с ног до головы легионов на повозках. Хотя она хорошо понимала, что если Андрей и появится в станице, то он, конечно, в первую очередь забежит домой и что встретиться с ним она сможет только в том случае, если его часть останется ночевать в станице.

Но вот прошли обозы, потом всё чаще и чаще и всё тревожней и беспокойней стали идти пехотные и кавалерийские подразделения. В один из таких дней пришёл домой без коня Наташкин брат Василий и сразу же спрятался в половнике. А потом, в

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

ночь под Рождество, в панике, проваливаясь на льду Варгунки и Аксая, калеча лошадей и ломая обозные телеги, бежали из станицы застигнутые врасплох последние остатки белых. А следом за ними ворвались разъезды красных. А потом вошли и регулярные части, которые, к удивлению всех станичников, оказались теми же донцами их верхних станиц Хопёрского и Усть-Медведицкого округов или кубанцами. Ничего страшного в них не оказалось. Они размещались по дворам и благодарно накидывались на предложенные перепуганными хозяйками рождественские колбасы и студни. Женская часть молодёжи, напуганная рассказами о большевистских насилиях, предусмотрительно, до поры, до времени, попряталась. А те мужчины, которые бросили белых и разбежались по домам, наоборот, вылезли из своих укрытий, в том числе и Натальин брат.

На постой во двор к Натальиным родителям стало человек восемь молодых кубанцев-кавалеристов, которые, как только всё перепуганное вылезло на свет Божий, стали сразу же наперебой заухаживали за Дуней и Натальей.

- Ну, дивчины, кто у вас у белых – чи женихи, чи, мабуть, чоловики?

Дуня, хотя её Василий уже успел показаться постояльцам, и Наташка, краснея и бледнея, не знали, что отвечать.

- Та вы не лякайтесь, то ж мы шуткуем!

Но когда узнали, что у одной молодой хозяйки перебежал от белых к ним муж, а вторая – «дивчина», «шуткуваты» перестали. И всё-таки один из них позволило себе какую-то вольность по отношению к Наташке. Но она сразу показала ноготки так, что смущённый вояка, не боявшийся не только белых, но и не Бога и не чёрта, в смущении отошёл и, почёсывая в затылке, пробормотал:

- О! Це дивчина – туточки не поснидаешь!

Как только вернулся из отступления Илюшка Морозов, они с Ленкой сразу побежали к ним.

- Здорово, здорово, кузина, - приветствовал Илья двоюродную сестру, а Наташке пожал руку, - смотри, как повзрослела, прямо хоть сейчас под венец.

- Ну, вы, братишка, скажете такое, - покраснела Ленка.

- Чего же - такое? Сколько я тебя не видел – год, два? Да-а-а, если бы я не был твоим родичем, то…

- Да ну что вы, братишка, - стыдливо опустила глаза Ленка.

А Наталья в этот момент сидела и не знала, как же спросить про Андрея. На неё напала такая робость, что она решила уйти ни с чем, но только не выдавать своей тайны. Но из этого неловкого положения её вывел неожиданно Илья. Он попросил девушек в другую комнату, так как в этой были его родители, и опять начал шутить с Ленкой:

- Слушай, Ленка, ведь ты девка на выданье. Хочешь, я найду тебе жениха? Да какого жениха! Ты его знаешь. Вот уже скоро год, как я с ним вместе кровь проливал. Знаешь кто? Пётр Рябов. Ну и парень! Я его как-то раньше хорошо не знал, а теперь – только он! Согласна?

- Да чего это вы, братишка? – еле лепетала смущённая до слёз Ленка.

Наталья почувствовала, что наступил самый удобный момент расспросить про Андрея.

- Илюша, можно вас спросить об одном человеке?

- Пожалуйста, слушаю!

- Скажите, Илюша, вы, кажется, вместе служили со своим соседом?

- С Андрюшкой? Да, вместе, то есть в одном полку, но в разных командах. Он-то служил в последнее время господином писарем, ну а мы с Петром – простые пулемётчики. А почему это вы с таким вопросом обратились ко мне, а не к своему брату? Ведь Василий ваш тоже служил вместе с Андреем.

- У братки спросить было как-то неудобно. Да и они вместе были только в Персияновке, а вы, говорят, видели его недавно. Мы с ним переписывались, и мне сейчас просто интересно, что с ним? – глядя в пол и еле владея собой, прошептала Наталья.

- А-а-а, вон что! Ну, так что, перестал писать, да?

- Да!

- Ну, Наташа, ему сейчас не до писем. Да и раньше тоже. Драпали от красных, аж пятки сверкали, так уж какие тут излияния чувств, не до них. А сейчас тем более, ведь он на той стороне, откуда писем уже не дождаться. А видел я его не так давно, дней десять тому назад, на Кубани.

- А он знал, что вы с Петей идёте домой?

- Конечно же, знал. Мы его уговаривали идти вместе, но он чего-то испугался, сказал подумаю. Да вот и думает, наверное, до сих пор. А мы не стали ждать, когда он надумает. Ждать было нельзя, удобный случай представился… А что он давно тебе не пишет, так это понятно. Разве при таком драпе можно было думать о письмах, да ещё любовных. Не красней, Наташенька!… В общем, не горюй, всё равно Андрюшка будет наш. Он вот-вот, не за тем, должен появиться собственной персоной. Нашим-то – крышка! Так что жди!

Наталье стало теперь всё ясно, и она шла домой радостная и окрылённая надеждой.

7

Красная армия сделала небольшую передышку, стянула отставшие резервы и обозы, пополнила изреженные боями и изнурительными южными дорогами свои части, причём, в значительной степени за счёт сдавшихся одиночек и целых крупных подразделений белых, даже во главе с офицерским составом и, перегруппировав свои силы, в середине февраля развернула наступление по всему фронту.

Несмотря на отчаянную попытку белых удержать за собой закреплённые позиции по Манычу и ниже, по Дону, чтобы дождаться спасительной весны, используя удачный опыт вёсен восемнадцатого и девятнадцатого годов и расправив силы, быстрым маршем очутиться если не в самой Москве, то хотя бы на ближних подступах к ней, сопротивление их было сломлено. Они начали откатываться дальше на юг, к Чёрному морю и в Закавказье, в Грузию, в надежде временно укрыться от преследовавших их красных за Кавказским хребтом.

Учтя трудности отхода сконцентрированной огромной массы людей, дальновидный Андрей Васильевич убедил нас внести в общий котёл все наши «Ермаки» и «Колокольчики», за которые была куплена пшеница и смолота на Екатериновской мельнице. Были закуплены солёные впрок сало, мясо и кое-какие жиры. И повозка Андрея Васильевича превратилась в своеобразное маленькое интендантство на колёсах.

Числа восьмого февраля обоз наш выступил из Екатериновской и, перейдя железную дорогу «Ростов-Минеральные Воды» у станицы Крыловской, взял направление на станицу Павловскую, в которой мы сразу же столкнулись с неприязненным к себе отношением со стороны павловских кубанцев. Хозяин квартиры, которая была отведена квартирьерами под постой нашей части – зажиточный, средних лет кубанский казак – очень холодно принял нас и не дал даже за деньги просяной соломы из под молотилки для наших лошадей. А об ужине и говорить было нечего, хотя в этом ужине мы теперь не нуждались. У нас было своё.

Такое враждебное отношение к отступающим белым со стороны, казалось бы, верных своих союзников в борьбе с большевиками, объяснялось просто. Это был

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

протест части кубанцев против учинённой Деникиным расправы над некоторыми членами Кубанской рады в августе девятнадцатого года. Самый же основной протест заключался в том, что после того, как весть о расправе дошла до фронтовых кубанцев, ряд кубанских полков снялись в октябре девятнадцатого года с фронтов в Воронежской и Орловской губерниях и ушли на Кубань по домам вместе с оружием или перешли на сторону Красной армии. Это в некоторой степени сыграло свою роль в наступательной инициативе Красной армии и началу стремительного бегства белых на юг.

Следующей станицей на нашем пути была станица Старо-Леушковская. Здесь приём оказался радушней. Размещением по станице нахлынувших обозов занимался с квартирьерами сам станичный атаман. Сидя верхом на лошади, он самолично развозил квартирантов по невылазной грязи.

В ожидании, пока очередь дойдёт до нас, мы сначала бродили взад и вперёд по грязным деревянным тротуарам, а потом отпросились у Андрея Васильевича и пошли разыскивать место своего ночлега. И вдруг в одном из переулков я столкнулся лицом к лицу с… Татьяной. От неожиданности я первое мгновение лишился даже дара речи. Так необычна, так непредвиденна и даже сверхъестественна была моя встреча с бывшей моей пассией почти за двести вёрст от дома, в чужой, даже не донской, станице. Одетая в тёплую зимнюю кофту и, наверное, Алексеевы сапоги с высокими голенищами, в коротко подобранной юбке и в знакомом пуховом платке, Татьяна стояла с узелком в руках у одного из дворов и беспомощно и жалко озиралась кругом.

Она тоже заметила меня и, прислонившись к забору и закрыв лицо руками, заплакала.

- Таня, да ты ли это?! Как ты сюда попала? Ты что, с Алексеем?… Нет?… А с кем же ты?… А Алексей где? – пришёл я, наконец, в себя и забросал её вопросами.

Ребята окружили нас и с любопытством смотрели то на Татьяну, то на меня.

- Станичница, что ли? – спрашивали они.

- Да не только станичница, а даже соседка, - соврал я на всякий случай и к ней, - ну, чего же ты плачешь? Перестань и расскажи, в чём дело? Ты что, наверное, сбежала из станицы? – начал догадываться я. – А где Алексей?

- Не знаю!…Ой, что же я теперь буду делать? – и опять заплакала.

- Да ты подожди, Таня, не плач. Расскажи толком, как ты тут очутилась? Это что, квартира твоя? – указал я на двор, около которого она стояла.

- Да какая квартира, Андрюша, когда я не знаю, где я нынче буду ночевать. Я осталась одна. Маруся заболела и осталась в Кисляковке, а я вот, дура, позавчера, как сделалась паника, взяла да и сбежала оттуда и вот теперь не знаю, что мне делать, - и она заплакала снова.

- А какая Маруся?

- Да бывшая Гуляева, Антошки Галдина жинка. Моя бывшая подруга, не помнишь, что ли?

- А-а-а, Маруська! Да как же это у вас получилось? На кого же ты её, больную, бросила? И вообще, зачем вас из станицы понесли черти? – не сдержавшись, сгрубил я. – А кто ещё ушёл из вашей сестры? – продолжал допытываться я у Татьяны. Но тут зашумели ребята:

- Ну, что вы тут будете стоять и охать да ахать? Идёмте! Забирай, Андрей, станичницу и пошли. Там, на месте, разберёмся, что и как, а то бедную соседку совсем заморозил.

Я взял у Татьяны узелок, и мы пошли вслед за ребятами. Дорогой Татьяна всё время плакала, а когда пришли на квартиру, стала рассказывать, как они с Маруськой и ещё несколько женщин, наслышавшись про насилия большевиков над молодыми бабами, испугались и решили бежать из станицы, разыскать части, в которых служили их мужья и присоединиться к ним.

В канун Рождества, захватив с собой только самое необходимое и немного денег, они, шесть человек (Татьяна перечислила всех и среди них Марину, Павлову жену), ушли сначала в Багаевскую, а потом на Маныческие хутора, затем пристали к какому-то обозу, с каким ехали беженцы из верхних станиц, и добрались с ними до станицы Кисляковской. По дороге четверо спутниц пристали к другим обозам, а они с Маруськой остались вдвоём. Мужей своих они не разыскали, где находится их часть, никто им не сказал. И так вот они блуждают с чужими обозами вот уже больше месяца, питаясь тем, что или выпросят, или купят, или выменяют. А в Кисляковской зарабатывали тем, что стирали военным бельё да работали у богатых кубанских станичников.

Начиная ещё с задонских хуторов, отступающие дядьки-обозники гнали их обратно домой:

- Ну, куда вы, дуры, идёте? Не верьте вы этим сказкам. Вот попомните нас: если не найдёте своих мужьёв, вас обидят скорее свои, чем красные.

Но они не слушались и продолжали идти дальше, придерживаясь всё время того обоза, к которому пристали ещё у Маныча, и останавливались на квартирах только там, где останавливался обоз. В станице Кисляковской обоз этот стоял около месяца, и они с Марусей приютились у одной бедной вдовы, у которой на постое никого не было. Они помогали хозяйке в её маленьком хозяйстве и ухаживали за скотом и свиньями её соседа – богатого казака, у которого почти вся семья лежала в тифу, а также брали в стирку заношенное и зашивленное солдатское бельишко.

Недели две тому назад Мария заболела сыпняком, перенесла кризис и начала уже подниматься с постели, как вдруг в станице, неизвестно отчего, сделалась паника, и Татьяна, поддавшись этой панике, оставила на квартире плачущую больную подругу и бежала сюда. Людей, с которыми они с Марусей отступали до Кисляковки, она потеряла. И вот теперь она не знает, что ей теперь делать и куда податься.

Во время разговора Татьяна несколько раз принималась плакать. Вслушиваясь в наш разговор, плакала возившаяся у печки и готовившая по нашей просьбе ужин хозяйка квартиры.

- Куда деваться? – стал я ей советовать. – Если мы поедем дальше, тебе ехать не следует. Оставайся-ка тут и возвращайся обратно в Кисляковку к Марии. Найдёшь её и начинайте думать о возвращении домой.

- Нет, Андрюша, боюсь! Не знаю чего, но боюсь. Ведь я, пока доберусь до Маруськи, буду одна. А тут, может, Алексея где нечаянно встречу, вот как тебя.

- Ну, ладно, - перебил Андрей Васильевич, - вот давайте поужинаем, а потом что-нибудь сообща придумаем. Станичница-то наша, наверное, весь день сегодня не ела?

- Спасибочко! У меня был маленький кусочек хлеба ишшо с Кисляковки. Да и исть что-то уж не хочется. Какая уж тут еда?

- Ничего, ничего, станичница, не падайте духом!

Татьяна попросила разрешения у хозяйки умыться с дороги, а потом завесилась передником и стала ловко и привычно помогать хозяйке и по настойчивому приглашению всех села за стол последней.

А я думал, что хоть и радостна встреча, но что же я буду с ней делать, если не удастся уговорить её вернуться обратно в Кисляковку? Ведь заботиться-то о ней, не говоря уже о бывших наших с нею отношениях, а просто как о станичнице, как о хорошей знакомой, должен-то ведь теперь я. Ведь прогнать её силой, бросить беспомощную в чужих краях, далеко от своей станицы, одну, на произвол всяких случайностей будет, по меньшей мере, подло. Держать же её всё время при себе – так ведь теперь уже и младенцу видно, что не миновать нам ванны в Чёрном море. А потом, как-то и неловко. Ведь не будешь же каждому объяснять, что это, мол, так и так, несчастная женщина, разыскивает мужа, никак не может его найти и вот случайно набрела на соседа и с ним теперь путешествует. А ставить её на квартиру отдельно

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

просто невозможно, так как все дворы и хаты на стоянках переполнены до отказа. Уж лучше было бы назвать её сразу своей женой. Так ведь все ребята знают, что я не женат.

- Вот это ловко! Вот это сразу видно, что донская казачка! – перебил мои невесёлые думы Андрей Васильевич. – Вот теперь у нас и хозяюшка своя будет. Смотри, как ловко у неё всё получается.

Это он говорил про Татьяну, которая убирала со стола вместо хозяйки.

8

Эту ночь Татьяна ночевала на хозяйской половине. А ребята, лёжа рядом со мной на полу в передней комнате, протолкали мне все бока.

- Ну, как вам, ребята, не стыдно! Женщина попала в такое положение, а вы, как кобели…

- Какое же положение, дурило? Говори, что это твоя жена. Мало ли их сейчас ездит с мужьями? А мы, так и быть, будем уж на стоянках выкраивать как-то для вас что-нибудь отдельное. Ведь грех же упускать такой товар!

- Ну, и похабники же вы! Да ведь она же мне соседка! Как же я буду смотреть в глаза её мужу? – слабо отражал я намёки ребят. – Наоборот, как раз-то я теперь и должен взять её под защиту вот от таких кобелей, как вы.

- Ну и чудило ты, Андрей, да откуда он узнает? Ведь тут же никого из ваших станичников нет. Сама же она тоже едва ли рискнёт признаться не только мужу, но и тайной подруге. Ну, а мы после этого ералаша, едва ли, если даже останемся живы, встретимся когда друг с другом. Так что опасаться вам чего-либо и кого-либо совершенно нет никаких причин. И не делай, пожалуйста «сам не ам и другим не дам». Если не хочешь, найдутся другие охотники.

«Ну, уж нет, - думал я, - я вам «этот товар» и понюхать не дам. Да и что подумает тогда Татьяна обо мне, как о мужчине?»…

На другой день Татьяна ехала с обозом уже как моя жена. В станице Валковской я попросил хозяйку двора, где мы остановились, чтобы она разрешила мне с «женой» занять на ночь отдельную летнюю хатёнку.

Натопив хату до духоты, мы заночевали в ней с Татьяной вдвоём. Эту ночь мы не спали с ней почти до самого утра, предаваясь воспоминаниям. Мы перебрали чуть ли не по дням прошлые наши встречи, нашу любовь, её «коварную измену», мои переживания, её отношения с Алексеем. Но я ни словом не намекнул ей о Наташке. Не намекнула почему-то и она, хотя должна была знать. Ведь не может быть, чтобы её не осведомила об этом её сестрёнка, а Наташкина подруга Ленка.

Этот ночлег Татьяна восприняла, как должное, и рано утром уже хлопотала насчёт завтрака, как будто мы были дома и всю жизнь жили вместе. А ребята понимающе хихикали и, кивая на меня, подмаргивали друг другу. Но с этой ночи мы перестали обращать внимание на плоские шутки ребят, которые становились всё реже и реже. А мы, совершенно не думая о том, что тут, недалеко, может быть Алексей, что не исключена возможность внезапной встречи с ним, очертя голову и позабыв всё на свете, перестали кого-либо стесняться и бояться. Ведь в глазах хозяев квартир, где мы останавливались, мы были муж и жена. За эти дни я так вновь привязался к расторопной, ловкой и предприимчивой Татьяне, умевшей даже в почти невозможных условиях похода соблюдать личную опрятность и чистоту и быть у нашего общего стола в белоснежной, безупречно выутюженной блузочке, что начал уже подумывать: «А не остаться ли нам с нею здесь, на Кубани, жить? Ведь, собственно мы почти ничем не связаны со своей станицей, кроме родителей. Я холост, у неё детей нет. А муж? Ну, что муж?… А Наташка? …Да, Наташка!… Милая моя, славная девочка! Но ведь

Татьяна же первая… Да я и намного старше её, - мысленно оправдывался я перед Наташкой, - а кубанцы, за исключением «шибко большевиков», относятся к нам приветливо. Земли здесь много, живут зажиточно…Поработали бы здесь вдвоём как следует у какого-нибудь зажиточного казака года два, а там, смотришь, и своим бы хозяйством обзавелись. Пусть бы разыскивал нас тогда Алёшка! Да и стал бы разыскивать?»

Но ведь для этого нужно именно остаться здесь. А для того, чтобы остаться, нужно, чтобы кончилась война. А когда она кончится?… И ещё второе «но»: воспоминание о Наташке, о её миленькой, стройной девичьей фигурке, о её ласковых, серо-голубых, немного с грустинкой глазах вселяло иногда какую-то неприязнь к Татьяне, как будто она была виновата передо мной из-за Наташки или отнимала её у меня. И я решил: во что бы то ни стало при первом же удобном случае проводить Татьяну домой.

А Татьяна иногда по ночам плакала. Проснувшись и чувствуя вздрагивающую её рядом со мной, я спрашивал:

- Ну, ты это чего?

- Да так, ничего. Вспомнила всю свою как-то не так сложившуюся жизнь, про мать с отцом, вот и взгрустнула. Что-то они теперь там обо мне думают?

- Ну, хватит! – сердился я. – Не нужно было тогда хвост из станицы поднимать, бросать насиженное место!

- Ой, Андрюша, страшно! Как подумаешь, как начали бы валять эти вонючие русаки, да в очередь…

- Ну, чего ты, ей-богу, плетёшь? Ведь всё это – сказки. Вот сколько мы были в Воронежской губернии, а там до нас оё-ёй сколько было большевиков, так ты думаешь, что там много было этих «валяных» да в «очередь»? Да ничего подобного! Может быть, делали вот так, как мы с тобой, по доброму согласию, так ведь это другое дело. Хотя мы с тобой, Татьяна, поступаем тоже ведь нехорошо, ведь у тебя муж…

- Так чего же ты тогда прицепился ко мне, если считаешь, что это грех? Ничего в этом грешного нет. Не ты, так другой бы кобель. А ты хоть свой, всё равно, как Алёшка. Да и раньше мы с тобой были, так теперь уж всё равно. Да и Алёшка, если бы узнал, что ты меня чужому дядьке отдал, да он бы перестал считать тебя за казака! – цинично упрекала меня Татьяна. – Ну, скажи, куда мне деваться? Эх, миленький ты мой, каким ты был чудаком, таким и остался, - и Татьяна бросилась меня обнимать.

- Я вот, Андрюша, часто думаю своим дурным умом, уж не судьба ли свела нас тут опять вместе, чтобы, значит, уже на всю жизнь, - продолжала Татьяна, - давай тут останемся где-нибудь. Смотри, как живёт тут народ. Их станицы, так, ей право, как наш город. Я бы осталась. С тобою я бы ничего никогда не боялась. А вот как подумаю, что придётся остаться одной хоть на неделю, хоть на день, так поневоле завоешь.

- Да я, Таня, тоже об этом подумываю, да признаюсь, побаиваюсь я. Как это сделать? Я всё же человек подневольный и остаться просто так – да свои же и расстреляют. Да и большевиков побаиваюсь. Ведь большевики-то, наверное, всё равно придут сюда. А большевики – это ведь Россия. Понимаешь, Россия? А нас, можно сказать, только маленькая против них горстка. И вроде я ничего большевикам плохого не сделал, а страшно. Начнутся всякие вопросы – почему, мол, раньше не подумал, а перешёл тогда, когда увидел, что ваше не взяло. А тут меня твой двоюродный Илья и Петро Рябов ещё с Новопашковской уговаривали уйти домой, а я не согласился. Если они убежали к красным и добрались до дома, то уже растрепались в станице, что вот, мол, предлагали, приглашали, а он не захотел.

- Постой, постой, ты что-то не то говоришь. Если рано или поздно, а большевики, как ты говоришь, займут всё, то куда ж мы тогда от них денемся? Значит, рано или поздно, а большевиков нам не миновать?

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Ну, тогда, видишь ли, тогда мы попадём к ним всей кучей, а не в одиночку. А вместе и умирать не страшно. Да и рубать они всех не станут, кое-кто и останется. Возьмут нас в плен, да и повезут куда-нибудь на работы, в шахты, в трудовую армию. Есть, говорят, у большевиков такая. А ты куда тогда денешься? Поэтому я и советую тебе остаться тут, переждать, пока пройдёт фронт. А потом села бы в вагон и дня через два-три, смотришь, была бы дома. Ведь твое дело, Таня, совершенно другое, чем наше, военное. Не подумай только, что я хочу от тебя избавиться. Нет! Мне просто жаль тебя, жаль смотреть на тебя, когда ты таскаешься вместе с теми, кто таскается поневоле, переносишь все невзгоды кочевой нашей казачьей жизни. А чем дальше, тем будет всё трудней и трудней. Пойдут горы, начнутся нерусские люди, трудности с добычей еды, со стиркой, с содержанием себя в опрятности. Всё, что на тебе и при тебе, изорвётся, а заменить нечем, достать негде, купить не за что. И я просто не хочу, чтобы ты попала в эти передряги. Вот поэтому-то и только поэтому я и советую тебе остаться здесь и начать пробираться домой. Если согласна, давай присматриваться и искать хороших людей. И начинай делать так, как я тебе говорю.

- Ой, Андрюша, боюсь!

- Дурочка! Откуда у тебя такие скверные мысли? Я больше, чем уверен, что большевики тебе ничего не сделают. Но пойми, повторяю тебе ещё раз, чем дальше, тем будет всё хуже и хуже…Эх, Таня, Таня! Слишком в необычных условиях мы с тобой встретились.

Наконец, Татьяна согласилась. Но согласилась остаться только в каком-нибудь городе, где бы она могла наняться пока в прислуги. Это согласие она дала в станице Платнировской, перед самым Екатеринодаром. Что, если мы будем проходить через город или остановимся в нём, то она попросится остановиться у каких-нибудь простых людей и начнёт поиски работы. Подработает немного денег на дорогу, переждёт события и тогда начнёт пробираться домой.

Но из станицы Платнировской мы пошли не на Екатеринодар, а на станицу Старопашковскую, в которой нам объявили, что, по-видимому, стоянка здесь будет долгой, так как началась кубанская распутица, которая приостановила даже фронт.

К нашему общему удивлению и особенно к нашей с Татьяной надобности, мы увидели в Старопашковской трамвай, которым станица связывалась с городом.

9

Дня через три стоянки в Старопашковской я отпросился у Резникова съездить в город, чтобы устроить там «жену». Между прочим, чиновник знал, что Татьяна мне никакая не жена. Знал про наши с нею отношения за всё время отступления и иногда тоже, но с глазу на глаз, подтрунивал надо мною.

Хозяин двора, где мы остановились, дал мне устную рекомендацию к одному его хорошему знакомому в городе, как раз в нужном нам районе города. Мы сели в трамвай и поехали искать с Татьяной новый для неё временный приют.

Знакомый нашего хозяина оказался рабочим-железнодорожником. Жил он на привокзальной улице. Я отрекомендовал Татьяну как свою жену, по глупости ввязавшуюся с Дона за отступающими войсками белых, и попросил железнодорожника или приютить Татьяну на несколько дней у себя, или указать, где бы это можно было сделать у кого-либо другого, объяснив, для чего это нам нужно. Но он понял меня с полуслова и махнул рукой, дескать, понимаю, объяснять не нужно:

- Хай живе у нас. Миста не перележе и не пересиде!

- Да это, хозяин, не с сегодняшнего дня. Это тогда, когда мы пойдём дальше. Как только нам объявят поход, так и прошу тогда не отказать. Вы не беспокойтесь, она вас не стеснит. У неё будет пока всё своё. И будет это всего несколько дней.

- Гарно, гарно, хлопче, не беспокойтесь!

- Ну, большое вам спасибо! Только вы уж не передумайте!

- Та ни, не передумаем, кажу ж, за це не беспокойтесь!

Но воспользоваться этой любезностью железнодорожника нам не пришлось. Всё получилось по иному, совершенно неожиданно и как нельзя удачно как для Татьяны, так и для меня.

Утром, в воскресенье, 23 февраля мы все скопом, не исключая и Татьяны, поехали трамваем в город посмотреть на него и побывать на его знаменитом рыбном базаре и на толкучке. Увидев рыбный базар, мы опешили от изумления. Это было ничем не сравнимо с тем, что я видел у себя на Дону, тоже славившемся незаурядными рыбными богатствами. Подвешенные за хвосты и головы на специальных приспособлениях или просто за перекладины навесов, наваленные в большие корзины, расположенные на прилавках и просто на земле на подстилках из дерюги по всему обширному базару соблазняли и удивляли новичков неимоверной величины белуги, громадные осетры, пудовые севрюги, мерные сазаны и прочее разнообразие красной и белой фауны Кубани.

Решив, что купить себе рыбы мы всегда успеем, мы повернули на толкучку. Но тут было такое скопление народа, что бродить по ней всем вместе, не растерявши друг друга, нечего было и думать. Поэтому мы расстались с ребятами, а я взял Татьяну за руку, и мы пошли. Толкучка разноязычно гомонила, торговалась, божилась, ругалась, толкалась, наступала на ноги, давила, залезала в карманы, смеялась и предлагала всё, начиная от тряпья и зажигалок из винтовочных патронов и кончая самими патронами и новеньким, с иголочки, английским обмундированием, несмотря на то, что за торговлю им по закону белых полагался расстрел.

Мы уже собирал, было, вылезать из этого столпотворения, как моё внимание привлекла мелькнувшая невдалеке показавшаяся мне знакомой фигура военного. Она двигалась в том же направлении, в каком несла и нас с Татьяной. Фигура ни разу не оглянулась назад, но по затылку я узнал Павла. Не отставая от него, с ним двигалась женщина. Ну, конечно же, это – Павел и Марина. Я сказал об этом Татьяне.

- Где, где? Не может быть!

Я тебе говорю – они. Говори, что делать? Будем идти на сближение или ты не хочешь, чтобы про нашу с тобой встречу знали в станице? Павел – мужчина. Он, если его попросить, никогда и никому даже не заикнётся. А вот за Марину ручаться нельзя.

Давай догонять. Буду просить помалкивать. А уж если и не утерпит, не так уж и страшно. А что я должна была делать? Отвернуться от тебя и идти к чужому дяде? Да Алексей ишшо тебе спасибо должен сказать, я тебе об этом уже говорила.

Расталкивая ворчащую и ругающуюся толпу где руками, а где и головой, ни на секунду не выпуская из поля зрения Павлову голову, а из руки – руку Татьяны, мы устремились к этой голове немного с большей скоростью, с какой она отделялась от нас. Наконец, они над чем-то задержались, и перед изумлённым Павлом предстал его сосед и друг детства.

- О-о-о! Андрей!!!…Какими судьбами?!!! – закричал Павел, чуть не отрывая мне руку. – Боже, какая встреча! И где же?!… А это кто же? Татьяна, что ли?!… Вот это здорово!

А Татьяна тем временем обнималась с Мариной, и обе плакали.

- Ну, давайте вылезать из этой давки, - и Павел забросал меня вопросами, ни на один из которых я толком не мог ответить, так как, в свою очередь, задавал их Павлу столько же.

Но вот толпа стала редеть, и мы очутились на свободе.

- А теперь давайте поговорим.

И мы начали рассказывать друг другу свои перипетии последних трёх месяцев.

- А где же вы сейчас? – в конце концов, спросил Павел.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- В Старопашковской? – округлил глаза Павел. – Мы тоже там.

- Что ты говоришь? А в каком районе?

- Да на самой окраине, а вы?

- А мы почти в центре станицы.

Из города мы поехали к Павлу. Он с Мариной жил отдельно от своих сослуживцев в маленьком отапливаемом сарайчике. Женщины сразу занялись готовить закуску, а Павел исчез и через минуту принёс фляжку самогона.

Сидели мы допоздна. Переговорили обо всём и договорились, что если мы пойдём за Кубань и дальше, то женщины наши остаются здесь, в Старопашковской, вот в этом дворе. Павел уже договорился со своим хозяином. Правда, в отношении пока одной Марины, но надеется, что он ничего не будет иметь и против Татьяны. Краснея и испытывая страшную неловкость, я начал просить Марину, чтобы она, по благополучному их возвращению в станицу, никому бы ничего не говорила о нас с Татьяной.

- Не бойтесь, голуби, буду нема, как рыба. Какое моё дело? А если кто спросит, скажу, что как уходили из станицы вместе, так и пришли вместе, - и, улыбаясь, намекающе погрозила мне пальцем.

10

Российской Вандее наступал конец. Разрозненные, поредевшие за счёт дезертирства в горы полки её вступали в преддверие последнего их оплота на Русской земле – города Новороссийска. За эти две недели позади остались Екатеринодар, Георгиофипская, Северская, Ильская, Абинская, Крымская, Верхне-Баканская. Из Верхне-Баканской отступление сначала было намечено на Анапу. Но, переночевав в станице Раевской, мы повернули обратно, к Новороссийску и остановились в его пригороде, вроде нашего Хотунка, - Кирилло-Мефодиевке.

В день нашего отъезда из Старопашковской я отвёл Татьяну к Марине. Ребята нагрузили ей муки, сала, пшена и собрали между собой немного денег. Со своей стороны я дал ей тоже немного денег, пару казённого белья, солдатские ботинки (сам я был пока в домашних сапогах) и немного приношенную казённую верхнюю рубаху. Татьяна благодарила и плакала.

Павлова часть уже ушла, и Марина была одна. Я попросил её ещё раз ни о чём в станице никому не говорить, а рассказать только моим родным, что видела меня живым и здоровым, распрощался с ними и ушёл. Ушёл и сразу почувствовал, как будто бы потерял что-то очень дорогое, и мне стало неимоверно грустно.

- Ну, как, соломенный вдовец, тоскуешь? – подтрунивали надо мной ребята. Ничего-о! Это же просто замечательно, что вы нашли станичников и ты её оставляешь. Куда бы ты тащил её с собой дальше? Кто его знает, что ещё будет с нами самими?

Екатеринодар мы проходили в день низвержения самодержавия. Столица кубанского казачества, демонстрируя свою враждебность добровольческой армии всё из-за той же разгромленной Деникиным рады, была вызывающе украшена красными флагами, при виде которых монархически настроенное офицерство молча кусало губы. Но, боясь раздражать ещё больше и без того раздражённых кубанцев, в бессильной ярости только скрежетало зубами.

- Разукрасили Матушку-Русь во все цвета – белые, красные, зелёные, - иронизировали в толпе отступающих.

В Кирилловке из штаба полка было передано распоряжение: лошадей не распрягать, никакого имущества с подвод не сгружать, никому никуда не отлучаться, быть всем начеку и по первому условному сигналу немедленно двигаться в

направлении города. Но вместе с этим, квартирьерами полка было указано место временной стоянки обозного транспорта – против школы, на обочине улицы. Нас, хозяйственников и штабистов, разместили в здании школы.

Часа через полтора после того, как мы разместились, мы сняли с повозки мешок с мукой и стали месить тесто для пышек, предварительно получив разрешение у школьного начальства использовать классную чугунную печку для своей стряпни. В это время к нам зашёл начальник обоза подъесаул Кумшацкий.

- Вот что, ребята, - сказал он, - все наши сотни остались в заслоне, а мне приказано сформировать из нестроевиков караульную команду и организовать охрану складов, патрулирование улиц посёлка и нести постовую службу на подступах к нему. Воротынцев, - обратился он к старшему писарю, - вы назначаетесь старшим вашей команды. Составьте и дайте мне список ваших людей.

Первую ночь мне пришлось стоять на посту за посёлком, на притоптанной скотом в зарослях ивняка тропе. Было очень темно и без привычки страшно. Все ночные шорохи: пролезла ли где кошка, пробежала ли собака, зашумит ли голыми ветвями ветерок – я принимал за «кто-то лезет». Потом, чтобы не быть мишенью для этого воображаемого противника, я лёг рядом с большим и густым кустом тальника. В таком положении местность просматривалась очень хорошо, и всякое движение по ней не только идущего, но и ползущего человека было хорошо заметно. Я успокоился и стал подсчитывать, сколько же осталось до смены. На расстоянии от меня саженей в пятьдесят находился тоже на посту Митя Галкин, но без особой нужды разговаривать нам было запрещено.

Дул слабый, прохладный и сырой ветерок. Пахло прелью прошлогодней травы, распускающимися почками, пробуждающейся к жизни землёй и всеми теми запахами, которые присущи только весне. Стояла относительная тишина. Только со стороны города, наверное, порта, доносился монотонный перестук каких-то моторов, лязг цепей и шум моря. Направо от города висело зарево. Это отсвечивали цеха цементного завода.

Эти два ночные часа и два часа перед самым утром прошли для меня вполне благополучно, без всяких приключений. Днём мы отдыхали, пекли и жарили пышки и ели их с до тошноты опротивевшими английскими мясными консервами. Были такие. В синих банках формы египетских обелисков. На этикетках была нарисована подкова. Говорили, что это первосортная конина. В сыром виде я их ещё кое-как терпел, но в разжаренном – смотреть не мог. Они мне напоминали того зажаренного на костре желтобрюха, которым мы когда-то угощали за цигарку махорки Степанова Алёшку. Этих консервов в Кирилловке было навалено прямо под открытым небом целые яруса, и их просто раздавали всем военным, так как всё равно они, чтобы не достались красным, были предназначены для уничтожения.

Первый день было тихо. Изредка мимо нас проходили обозы других частей. Оттуда, откуда они шли, порой доносилась артиллерийская стрельба. Вторая ночь тоже прошла спокойно, но спали не раздеваясь. А у лошадей было отстёгнуто только по одной постромке. «Хорошо, что Татьяна осталась, - думал я, - ну, куда бы я с нею теперь девался?»

На следующий день я стоял часовым у вещевого склада своего полка, который прибыл сюда в двух вагонах за несколько дней до нас и был размещён в сарае зажиточного мефодиевского жителя почти у самой железной дороги. К концу дежурства в склад пришёл Кузюбердин, полковой каптенармус, и всё, что было в складе, начал раздавать показавшимся и куда-то перемещавшимся кавалерийским частям.

Сначала у склада образовалась давка и чуть ли не мордобой. Но потом подоспевшими подъесаулом Кумшацким и казначеем полка сотником Кузьминым быстро был восстановлен порядок, и шинели, брюки, бельё, гимнастёрки и всё

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

остальное каптенармус стал выдавать целыми пачками только взводным. Эти, последние, нагрузив на лошадей впереди себя всё полученное, спешили догонять свои части.

Я сдал смену Мишке Лапшину и попросил Кузюбердина выделить что-нибудь для меня. Так я стал обладателем трёх английских шинелей, пяти кожаных курток-безрукавок, десяти пар офицерского белья из голландского полотна, нескольких десятков пар носков и ещё чего-то. По приходу в школу я рассказал всё ребятам, и через некоторое время каждый из них притащил всего не менее меня. Сменившийся Мишка тоже притащил полную попону всякой всячины.

11

Наступила третья по счёту ночь в Мефодиевке. Теперь уже войска шли не переставая. Спать никому не хотелось. Расположившись на полу и не раздеваясь, мы вспоминали свои, далеко оставленные позади, родные края и гадали, «что день грядущий нам готовит». Андрей Васильевич и Павлик Овсянкин, замесив большой ком теста, пекли на всю нашу братию коржи и жарили те же неизменные и противные консервы. Тускло горела семилинейная керосиновая лампа, любезно предоставленная нам заведующим школой. Но переживания и усталость взяли своё, и я стал засыпать. Мне показалось, что я ещё не успел как следует и глаз сомкнуть, как меня кто-то изо всех сил толкал в бок:

- Да проснись же, чёрт бы тебя побрал, соня! Нужно сматывать удочки! Ты слышишь – суматоха!

Я вскочил и увидел за спешными сборами всех своих ребят и других постояльцев. Я быстро понял, в чём дело, напялил на себя свою домашнюю артиллерийскую шинель, две английских (в третью не влез), схватил всё остальное, а также неизрасходованный ком теста, и выскочил на улицу к своим подводам. Наш обоз втиснулся в какие-то чужие подводы и двинулся по направлению на город.

За Мефодиевкой дорога шла вдоль горы, меж густых зарослей какого-то колючего кустарника, по камням и ухабам. Я залез на мулью фурмановку, а ребят своих потерял из виду. С горы дул холодный, пронизывающий ветер - по-местному, норд-ост. Но так как на мне было напялено три шинели, холода я сначала не ощущал. Меня укачало, и я, сидя на сундуке на чём-то приятно мягком, задремал.

Очнулся я от начавшего пробираться под шинель холода, да и ноги уже порядком прозябли. Было ещё темно. Мы стояли на какой-то площади, среди высоких городских строений. Вопреки законам военного времени, повсюду между подвод горели костры и виднелись силуэты греющихся. Горел костёр и возле нашей фурмановки. Погонщик мулов, приемник сбежавшего Игната, свернувшись калачиком, спал на своём сиденье. Я слез с фурмановки, пробрался к костру и увидел всех своих ребят.

- Ну, что, пробрало? Подходи ближе, грейся!

Я стал поворачиваться к огню то одним, то другим боком, как вдруг раздался оглушительный, как по команде, взрыв хохота, от которого даже вздрогнули и запряли ушами ближайшие лошади. Я сначала не понял, в чём дело, а потом до меня дошло, что смеются с меня.

- Андрей, ты что? Посмотри, в чём у тебя зад! Где это тебя носило? Да у тебя не живот ли расстроился? – и снова хохот.

Я недоумённо обиженно пожал плечами на неуместную шутку, но Мишка Лапшин отвёл мою руку назад и, смеясь, посоветовал:

- Полапай, что это у тебя позади, на шинели!

Рука моя нащупала что-то влажное и липкое. Под общий смех, подавляя брезгливость, я поднёс пальцы к носу. В нос ударило приятным запахом свежего

пресного пшеничного теста. И тут до меня дошло: оказалось, что кусок теста, который я схватил в панике, я бросил на фурмановку и попал на сундук, на котором я впоследствии ехал и спал.

- А пышки ты, случаем, не захватил? – уже вполне серьёзно спросили меня ребята.

- Нет!

- Тогда они остались там, на столе. Вот жалко!

Громкий смех над моим происшествием и сетование на оставленные готовые чуреки сменились деловой домовитостью. Остатки теста были осторожно собраны с сундука и соскоблены с моей шинели, и ребята приспособились печь в золе костра колобки.

Серело. Наши подводы стояли в бескрайнем море повозок и обозных животных. По проторенной между подвод улочке беспрерывно шли пехотные и кавалерийские части и их обозы. Я всё время внимательно всматривался в лица проходивших и проезжающих в надежде увидеть во всей этой массе кого-либо из своих станичников. Но нет, ни одного знакомого лица так и не попалось.

Штабные офицеры полка вскрыли денежный ящик и делили между собой его содержимое. Казначей полка, сотник Кузьмин, на листочках из блокнота брал у каждого расписку. Постоянный караул у денежного ящика был распущен. Потом, по распоряжению Захарова, на костре запылали все дела хозяйственной канцелярии и денежный журнал.

12

Но вот совсем недалеко, сейчас же за городом, послышался звук орудийного выстрела, а потом уже совсем близко пулемётная очередь. Кто-то крикнул:

- Спасайся, кто как может!

И всё пришло в паническое движение. Подскочив к подводе, я первым делом сбросил с себя запачканную тестом шинель, выбросил из домашнего мешка куртки-безрукавки, носки и бельё и проверил, остались ли в мешке мои домашние, дорогие сердцу реликвии – три пары давно не стираного белья, к которому когда-то прикасались руки матери, а также письма из дома и от Наташки. Потом стал с Мишкой Лапшиным отпрягать мула. Руки дрожали и ничего не могли сделать с затянувшимися верёвками. На глаза мне попалась шашка. Её, без портупеи и темляка, всё время возили на фурманке. Для чего она предназначалась, никто не знал, но она значилась в списке канцелярского имущества, и мы так же бережно её хранили, как и сундуки с канцелярией, если не считать случая в Екатериновской.

Я быстро выхватил палаш, обрубил им проклятые верёвки и, став на шлею хомута, вскарабкался на своего Росинанта. Сзади меня взгромоздился Мишка. Но дальше этого дело у нас не пошло. Несознательное длинноухое творение не пожелало прыгать через колёса, дышла, костры, брошенные повозки. Тогда мы скатились с него и, сами прыгая через эти препятствия, помчались туда, куда шарахнулась охваченная паникой толпа. Людской поток принёс нас в порт. Здесь мы нашли своих ребят. Андрей Васильевич тоже бросил своих коней и был с ними.

В порту уже шла погрузка на пароходы, которые стояли как у самых пирсов, так и на рейде. По шатким, гнущимся сходням беспрерывно поднимался на палубы людской поток только военных. Многих грузили на баржи, баркасы, шлюпки и просто лодки и отвозили к пароходам, стоявшим на рейде. В стороне, под горой, связанные друг с другом подводами, понуро стояли брошенные своими хозяевами их былые соратники походов.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Крик, шум, самая отчаянная брань непрерывно висели в холодном воздухе. Ругались между собой за очередь при погрузке офицеры. Ругались рядовые, ругались команды на пароходах, наводя порядок. От одних сходней к другим ходили гражданские в дорогих шубах и пальто и о чём-то умоляли офицеров. Те безнадёжно разводили руками и решительно отстраняли просителей от сходен:

- Господа! Просим не мешать погрузке! Будут свободные места, тогда – пожалуйста! Погрузим всех. А сейчас, простите, никак нельзя! Господа, просим отойти! Не вынуждайте на крайности!

Но вот к пристани подошли сотни нашего полка во главе с Хрипуновым. В это время к освобождённому одним из отошедших пароходов пирсу пришвартовался небольшой пароход «Джанкой». Всё, что было в этот момент на пристани, хлынуло туда. Но место, где матросы начали сбрасывать сходни, быстро окружили спешившиеся взводные офицеры и обнажили клинки. Началась организованная погрузка полка. Лошадей рассёдлывали, связывали поводьями по несколько штук вместе и отводили под гору к тем, что там уже стояли, а хозяин, взвалив сёдла на спину, шёл к трапу. Последней грузилась конно-пулемётная команда.

Я надеялся встретить и здесь кого-нибудь из станичников, но также никого не увидел.

- Поразбегались по домам ишшо из Новочеркасска, - ответил на мой вопрос о станичниках один из пулемётчиков.

- А подъесаул Архипов где?

- Начальник команды? Он уже есаул…Был ранен под Кущёвкой и где сейчас, не знаем. Его тогда же эвакуировали в Екатеринодар.

Последними на пароход грузились мы, нестроевики, со своими тощими мешками – ребята в панике тоже всё побросали. От канцелярии у нас в руках остались некоторые особо важные документы хозчасти полка да пишущая машинка «Ундервуд», одолженная нам штабом полка тогда же, после Екатериновского случая.

Дувший весь день с моря ветер переменился и начал дуть с гор. Но было сравнительно не холодно, и волнения в бухте почти не замечалось. Устраиваться на пароходе было предоставлено каждому, кто как сумеет. О каких-либо не только каютах, но даже о твиндеке и мечтать было нечего. «Джанкой» был грузовым пароходом, мало каботажного плавания. Кроме палубы, палубных надстроек и трюма, да кают для обслуживающего персонала он больше для «господ пассажиров» ничем не располагал.

Сначала мы спустились в трюм. От груза он был освобождён. Только в нижнем трюме в один ряд стояло много бочек с цементом. Они были погружены на пароход в качестве балласта. Но в трюме нам не понравилось. Слишком уж был в нём тяжёлый воздух. Мы вылезли опять наверх и примостились возле самой рубки на бухтах канатов.

13

Когда пароход тронулся, было уже темно. Несмотря на осадное положение, кое-где в оставленном нами городе светились огни. Сразу же по выходу из бухты стала ощущаться сильная качка, и у меня начала кружиться голова. Особенно неприятное ощущение испытывалось тогда, когда нос парохода, поднявшись над волной градусов на тридцать, стремительно падал вниз, в шумящую пучину, и окатывался целыми каскадами вспененной воды. Потом нос опять лез в небо, опять падал и опять окутывался потоками воды.

Несмотря на то, что я держал во рту медный царский пятак от морской болезни (откуда он у меня взялся и кто меня этому научил, не помню), но меня стало тошнить.

Болезненно щепетильный во всём, мне и тут претило причинить окружающим какую-либо неприятность. Еле сдерживая подступающую рвоту, я кое-как подошёл или, вернее, подполз к борту и стал рвать. В этом занятии я был не одинок. Вокруг меня стонали и выворачивались наизнанку такие же «моряки», как и я.

Судя по звёздам, «Джанкой» держал курс на северо-запад. «Не иначе, как в Крым», - подумал я, мысленно ориентируясь по воображаемой географической карте. Я хотел поделиться своей догадкой с ребятами, но найти их в такой темноте, среди такого скопления народа было невозможно. Успокоившись немного и почувствовав небольшое облегчение, я со своим мешком спустился обратно в трюм, в тепло, и залез на самое дно между рядов балласта. Я сел на корточки, прислонился спиной к одной из бочек, и мне стало совсем легко. Сверх меня, на бочках, лежала вповалку людская масса. В одном месте кто-то монотонно бубнил:

- Господи!… Мать Божия!…Царица небесная!…Да что же это такое?…На фронте не хлопнули, так тут утопнешь ни за понюх табаку!

В другом месте кто-то всхлипывал:

- Да, родимая ты моя матушка, да прости ж ты меня, что я тебя обижал, не слухал…Господи!…Да если я останусь жив, то пудовую свечку Николаю Святому Угоднику поставлю! Да что ж это такое?…Царица небесная!

- Да замолчишь ли ты, в конце концов, зануда, мать твою…!

Звуки глухих ударов. Причитания прекратились. А пароход то вздымался носом и опускался кормой, то переваливался с боку на бок. Что-то скрипело, скрежетало, сдвигалось. Подо мной, между дном и деревянным настилом, на чём стояли бочки, хлюпала вода. Глухие её удары о железный борт парохода доносились снаружи. Мной овладело полное безразличие – скорей бы конец, - и я начал дремать.

- Слушай, братишка, это что же, шторм? – сквозь дрёму услышал я, - значит, нам могёт быть тут и крышка?

- Эх вы, вояки! Какой же это шторм? Это обыкновенный береговой бриз. Вы же видите, что даже люки не задраены, даже брызги не залетают к вам в трюм, а вы - шторм! Шторма вы ещё и не нюхали!

Судя по презрительному, спокойному тону отвечающего, по его морскому жаргону и терминам, это был кто-то из моряков, которому эта качка была тем, о чём и говорить-то было смешно. И я опять начал дремать.

Когда я очнулся, то в просвет незадраенного люка увидел, что уже утро. Но качка всё продолжалась. От неудобного положения у меня всё занемело. Я встал, вылез из своего убежища и с трудом стал пробираться к трапу на палубу. Там я нашёл кое-кого из своих ребят, бледных, осунувшихся, как после болезни. Ветра почти не было, но море продолжало волноваться. Из кают экипажа выглядывали господа офицеры и их заспанные жёны. Правее нас, сзади, поднималось солнышко, а левее, впереди, стала показываться похожая на встающие из-за горизонта тучи земля.

Ходить по палубе было практически невозможно и небезопасно. Свободных мест почти не было и того и гляди, что можно было растянуться или от качки, или поскользнуться на гадости. Но я всё же кое-как стал пробираться мимо тел и знакомиться с пароходом. Вскоре я набрёл на камбуз и как зачарованный остановился у его застеклённой, похожей на фонарь, крыши. Там, внизу, за этим стеклом весь в белом человек укладывал на большое овальное блюдо простой отварной картофель, обкладывал его дольками солёных огурцов и поливал всё это подсолнечным маслом. На отдельных селёдочницах красовалась в зелени лука, петрушки и укропа селёдка. Зрелище было настолько соблазнительным, так мучительно захотелось этой простой еды, что я до неприличия приник к стеклу, как, между прочим, и другие. Но потом, спохватившись и приняв равнодушный вид, отошёл от аппетитного фонаря, вытащил из кармана шинели три ненавистных банки Новороссийских консервов и отдал их

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

первому подвернувшемуся мне матросу. Тот удивлённо на меня посмотрел и сказал спасибо.

Вскоре пароход подошёл и стал на рейде, на виду города Феодосии, горевшем на ярком, весеннем утреннем солнышке крышами, окнами, куполами своих зданий и церквей, среди которых виднелось что-то древнее, наподобие Римского Колизея. Кроме нашего «Джанкоя», на рейде у пирсов стояло ещё несколько пароходов с военными.

14

Оставшись вдвоём, Татьяна и Марина не без трепета переждали, пока пройдёт фронт и всё утихнет. Красные, которых они так боялись, даже и не заподозрили о их существовании в Старопашковке. Они продали на барахолке в Екатеринодаре уже на советские деньги кое-что из оставленных нами вещей и стали пробираться домой. Пассажирские поезда ходили очень редко, не по расписанию, и попасть на них нечего было и думать. Кое-как, с грехом пополам, они добрались на крыше товарного вагона с такими же горемыками, как и сами, до Тихорецкой, где прожили три дня и две ночи, ночуя в вокзале на грязном, заплёванном полу. А потом им удалось кое-как сесть на пассажирский поезд «Минеральные Воды - Москва» и через день были в Новочеркасске.

Появление их в станице прошло почти незаметно, так как не они одни в эти дни возвращались после двухмесячных скитаний по домам. Некоторые из их спутниц, с которыми они бежали из станицы, уже заявились домой раньше их. Некоторых ещё не было. Не было и подруги Татьяны – Маруськи, с которой они расстались в Кисляковке.

Войдя в курень и перекрестившись на образа, Марина бросилась к сидевшей на лавке за столом дочурке, упала перед ней на колени, обняла её и долго беззвучно плакала. Глядя на неё, плакали бабушка Анна Михайловна и свёкор со свекровью. Наконец, Марина встала, вытерла слёзы и начала здороваться с родными.

- Ну, говори скорее, не томи! – поцеловав невестку и утирая слёзы, просил свёкор. – Где Павел? Разыскала ты его или нет?

- От Павла и приехала!

- Как?! – вскрикнули почти все разом. – Где же он? Может быть, уже в шахты отправили?

- Тогда ишшо нет, а сейчас – не знаю!

Марина стала рассказывать и упомянула, конечно, и о встрече со мной на Екатеринодарской толкучке.

- Так ты, значит, и Андрюшку видела? – переспросил дядя Андриян. – Тогда нужно сказать Черкасовым. Они ведь тоже ждут, не дождутся или его самого, или каких вестей о нём.

- Подожди, Андриян, - вступилась бабка, - нехай она с дороги хоть оббанится да обтрусит вшей. Наверное, есть, голубушка?

- Ой, бабушка, чего-чего, а этого добра нахватались. Ведь ни обстираться, ни обшукаться как следует было негде, да и стыдно, всё с мужчинами да с мужчинами.

- Ну, тогда идите с матерью и топите в летнушке печь и хоть немного себя обкопируй, - распорядилась Анна Михайловна, а то начнут сходиться гости, тогда всё.

Марина ещё с наслаждением поласкалась в корыте в жарко натопленной летней хате, как начали сходиться гости. Пришла Пашкина родня - дядя Артём с тёткой Марфой, пришли мой отец с матерью. Андриян Яковлевич так обрадовался появлению невестки, что не утерпел и преждевременно всех известил, хотя и без этого в станице уже все знали, что с «отступа» ещё пришли вот такие и такие.

Вымытая, гладко причёсанная, раскрасневшаяся после бани, в чистой домашней юбке и блузочке, Марина вошла в курень и расцеловалась сначала с дядей Артёмом и

тёткой Марфой, а потом с моими родителями, и передала им низкий поклон от меня и поклонилась обоим в пояс.

- Ну, Моричка, расскажи-ка, родная, расскажи, - плача счастливыми слезами, просила мать.

Дядя Андриян с тёткой Дуней суетились у стола, собираясь, несмотря на пост, отметить встречу. Артёма Яковлевича они услали куда-то за вином, а тётку Марфу за сватами – отцом и матерью Марины. Марина помогала свёкрам и попутно рассказывала, как, будучи однажды с Павлом на толкучке в Екатеринодаре, встретили меня.

- А из Пашковки, Моря, не знаешь, куда они пошли? – спросил отец.

- Чего не знаю, дядечка, того не знаю. Наверное же, за Кубань. Говорили, что пойдут в горы до каких-то чекмеков.

- До чеченцев, наверное?

- Не знаю – чи чеченцы, чи чекмеки. Паша говорил о каких-то чекмеках.

- Боже мой, Боже мой! – вздыхали и качали головами женщины, - Отцам их пришлось повидать света Божьего, а сыновьям – ишшо больше. Ишшо и не жили, как следует, а уже по каким-то горам да по чекмекам.

- Да, я эти горы сама видела. Их хорошо видно, ишшо не доходя до Екатеринодара. И вот что интересно – внизу люди уже поотпахались, а там, на этих горах, ишшо виден снег.

Сидели допоздна. Марина держала дочурку на руках, гладила её головку и обстоятельно отвечала в который уже раз на одни и те же вопросы. Потом спели песню на скорбный момент:

Вы, поля, поля! Вы, широкие поля!
Как на этих полях урожая нема.
Урожая нема. Только выросла одна
Кучерявая верба.
Как под этой вербой казак мёртвый лежит.
Он убит и разбит, весь пораненный.
Голова-то его вся порублена,
Бело тело его всё иссечено!

Разошлись далеко за полночь. О том, с кем встретили меня Марина с Павлом на Екатеринодарской толкучке, Марина не сказала ни слова, но как бы вскользь проговорилась про Татьяну, что та была с нею почти всё время, а потом отбилась и опять нашлась в Екатеринодаре. И вот, видно, из-за этой оговорки по станице поползли слухи, что Татьяна вместо своего Алёшки нашла на Кубани прежнего своего ухажёра, Андрюшку, и с ним таскалась до самого Екатеринодара. Но поскольку ни Алёшки, ни Андрюшки дома не было, слушок этот был забыт. Свекровь же Татьяны никаких подробностей у неё не выпытывала.

Павел пошёл отступать со своей частью дальше, как и я. Но на пароход им попасть не удалось. Вся часть его осталась в городе и 27 марта по новому стилю сдалась красным в плен. Им сразу было предложено разъехаться к семьям, а желающим – добровольно вступить в ряды Красной армии. Некоторые, особенно старшие возрасты, воспользовались таким великодушным предложением победителей, как роспуск по домам. Большая же часть, в том числе и Павел, изъявили желание служить в Красной армии и записались добровольцами в один из полков 14-й дивизии Первой конной армии, где была масса земляков. И командовал ею также земляк, хоть и не казак, но всё же свой, донской человек Семён Михайлович Будённый из станицы Платовской Сальского округа.

Из Новороссийска Павел с этим полком попал на юго-западный фронт против зашевелившейся Польши. В боях с поляками под Казатином Павел был ранен. Рана была не опасная, но болезненная. Провалявшись в Саратовском военном госпитале

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

около двух месяцев, Павел получил отпуск домой ещё на месяц для окончательной поправки.

15

На рейде «Джанкой» простоял до самого вечера, пока не прошёл портовый карантин и не был вычищен и вымыт до безупречности.

Примерно через час после того, как корабль бросил якорь, к нему пришвартовалась береговая шлюпка с медицинским и санитарным персоналом, и начался поголовный осмотр всех пассажиров, а также палуб и трюмов. Я с омерзением заметил, как один из членов этого персонала подобрал щепочкой в нескольких местах палубы частицы раздавленной ногами рвоты и положил их в баночку. После отъезда комиссии матросы начали уборку корабля.

В течение дня нам выдавали два раза по банке тех же опротивевших консервов и – ни куска хлеба. И оба раза я отдавал их матросам. От одного прикосновения к ним меня начинало тошнить, хотя есть хотелось тоже до тошноты, и я чуть ли не бредил пароходным камбузом и с тоской вспоминал забытые пышки.

Выгружались мы уже в сумерках, когда в городе и на кораблях зажигались огни. Ступив на сушу, я зашатался и чуть не упал. Но когда нас довели до места ночлега – тоже школы, это неприятное ощущение прошло. Расположились спать прямо на полу, на шинелях. Под утро мне приснился вкусный сон. Мне приснились белые греческие булки, так называемые у нас в Новочеркасске. Такого хлеба дома печь не умели. Они были белы, как вата, мягки и упруги, как подушки. Сейчас я явственно, как на яву, ощущал их непередаваемый аромат, но съесть хотя бы кусочек, не мог никак. Почему-то в рот они никак не попадали. А тут ещё кто-то мешал мне, сильно толкал в бок и отвлекал от такого приятного, необъяснимого удовольствия.

И вдруг я почувствовал, что это был только сон, что меня будят. Я не без сожаления проснулся и сел. Но что это? Нет, это был уже не сон, а настоящая явь. В окна светило яркое крымское солнышко. Большинство моих соратников уже не спали. Они сидели на полу и уминали за обе щёки те самые чудесные булки, которые только что снились мне и которые вот прямо передо мной лежали на чьей-то разостланной шинели. А Павлик Овсянкин поднёс прямо к моему носу отломленный, именно отломленный, а не отрезанный, ломоть одной их них.

Оказывается, когда мы ещё спали, предприимчивый Павлик решил компенсировать дни своего вынужденного бездействия по продовольственной части, сделал разведку в город и обнаружил недалеко от нашей школы пекарню, полную чудеснейшего, свежего, только что из печи белого хлеба. Он купил сразу восемь буханок, по буханке на брата. В школе Павлик показал хлеб дневальному, и скоро все, кто здесь находился, стали обладателями этого богатства.

Истосковавшись по хлебу насущному, мы сделали ещё подкрепление и ели его весь день. И даже ночью (мы остались ночевать в этой же школе и вторую ночь) мы вставали и ели. Ели просто один хлеб, запивая его только одной холодной водой.

Но потом, на третий или четвёртый день, когда нам была объявлена посадка опять на пароход, мы еле смогли найти во всём городе всего две булки по два ока каждая (око – три фунта, эту меру веса я впервые услышал здесь). Сосредоточенная в Феодосии большая часть новороссийских беженцев в два-три дня съела все небольшие хлебные запасы. И теперь, в целях экономии, эти две булки были отданы в мешок Овсянкину, как более из всех нас хозяйственному человеку, с правом расходования только по постановлению нашей восьмёрки.

Грузились мы на пароход рано утром. Но, отойдя от причала на рейд, сбросили якорь и простояли так весь день. Довольствовались на пароходе опять всё теми же

английскими «подковами», или, как мы их окрестили «иго-го». После белого насущного они казались нам ещё противнее.

Эх, теперь бы капустки солёной да огурчиков с картошечкой, - мечтательно вздыхали все.

Наконец, в сумерках «Абхазия», так теперь назывался наш пароход, снялась с якоря и взяла курс на юг. Пароход был большой, пассажирский. Такой тесноты и давки, как на «Джанкое», не было. Ночь стояла тёплая, и в твиндеке, где мы расположились на деревянных, наскоро сколоченных нарах, было душно. Мы вылезли на палубу. Помимо избавления от духоты, нам хотелось хоть по некоторым признакам, по звёздам, определить, в каком направлении мы плывём. Но наши ориентиры оказались ненужными. По береговым огням, как бы проплывавшим мимо нас недалеко от парохода, мы определили, что «Абхазия» идёт всё время вдоль крымских берегов. Мы догадались, что нас перевозят в другой какой-нибудь крымский город, и разбронировали свой хлебный запас и весь его съели.

Но ни в Ялту, ни в Севастополь «Абхазия» даже не зашла, а, минуя Севастополь, устремилась на север и часа в два дня подошла к Евпатории. Здесь она замедлила ход и стала тихо пришвартовываться к другому, такому же большому пассажирскому пароходу «Очаков», борт которого и палубные надстройки со стороны подходившей нашей «Абхазии» сплошь были унизаны народом. Это же творилось и на нашем корабле. Многие начали узнавать друг друга, кричать, махать шапками, обмениваться вопросами, делиться новостями. И вдруг:

- Андрей!…Андрюшка!…Черкасов!

Я стал всматриваться в зелёную массу толпившихся на борту «Очакова» и увидел Жорку, а рядом с ним ещё одного станичника Ивана Ноженкова, служившего вместе с Жоркой. Они махали мне фуражками и что-то кричали. Но расслышать в этом галдеже что либо было невозможно.

Тем временем, «Абхазия» подошла вплотную к «Очакову», и матросами тот час же был переброшен на «Очаков» трап, по которому, по команде офицеров, пассажиры нашего парохода начали сходить на «Очаков». Наша группа перешла почти последней. Я встретился с Жоркой и, узнав от меня, сколько со мной моих сослуживцев-приятелей, они с Иваном начали беспокоиться об обеде для гостей.

Оказывается, на «Очакове» готовились к встрече «Абхазии» и готовили обед с учётом едоков, которые должны были перегрузиться с неё на «Очаков». Когда я обнялся и расцеловался со своими станичниками и представил им своих ребят, Жорка и Иван потащили нас всех на правах старожил этого парохода к себе в трюм, усадили на нары и сейчас же притащили в нескольких котелках обед и восемь небольших, круглых серых хлебцев корабельной выпечки.

Я ждал знаменитый флотский борщ, о котором где-то читал или слышал. Но это оказался обыкновенный пшённый кулеш, заправленный вездесущими английскими «иго-го», розовевший волокнистыми прядями разваренного мяса, которые вызвали невольное восклицание простака Мити Галкина:

- Смотрите, ребята, конский хвост в Великий пост!

- А ты, Митя, не брезгуй Европой, что дали, то и лопай, - смеясь, заметил ему Овсянкин.

Не только голодному, но даже чуть проголодавшемуся человеку каша эта, густая, жирная, ароматная, должна была казаться тем, что, по поговорке моей покойной бабушки, «одного бы духу наелся». Я ни в коем случае не против пшённого кулеша, сваренного где-нибудь в степи, на свежем воздухе, с немного устаревшим салом. Но когда на меня пахнуло этими противным английским ароматом, напомнившим мне опять желтобрюха и Алёшку, я есть его не стал по второй поговорке той же моей бабушки – «и на дух не носи». Я посыпал хлеб солью и, запивая водой, стал есть один хлеб.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- А почему, Андрей? Ты что? – удивились Жорка и Иван. – Говеешь, что ли?

- Не могу, ребята! Смотреть на эти консервы не могу. Помнишь, Жорка, Степанова Алёшку, когда пасли скот?

- Как же не помню? Конечно, помню! Вот ишшо чертовую вспомнил.

- И откуда у вас, ребята, в станице такой интеллигент взялся? – шутили мои ребята, с аппетитом уминавшие кулеш. – Такое мясо и не жрать? Вот подай ему хлеб, соль и воду!

- Значит, я не интеллигент, а простой казак! Хлеб да вода – казачья еда!

- Вот так, земляки, он из самого Новороссийска. Считай уже неделя, а он всё на одном хлебе да на воде. Как схимник какой-то…А что, Андрей, случилось, что ты сейчас напомнил своему корешу? Расскажи!

Я начал рассказывать историю с куревом и желтобрюхом. Ребята внимательно слушали. Но когда дело дошло до огня и капавшего на него змеиного жира, все побросали ложки, стали отплёвываться и просить меня:

- Перестань!…Перестань, ради Христа!…Не рассказывай о такой гадости!

- Сами же попросили!

- Да чёрт тебя знал, что ты такую мерзость начнёшь переть!

После моего рассказа к каше уже никто не притронулся.

Ночью «Очаков» снялся с якоря, а на рассвете следующего дня подошёл и пришвартовался к пирсам Южной бухты Севастополя. Нас выгрузили, перевезли на катерах через бухту и расквартировали на Корабельной Слободе у подножия Малахова Кургана.

16

К началу мая в станицу возвратились почти все бывшие в отступлении казаки.

Однажды, когда отец возился во дворе с ремонтом косилки, к нам зашёл Пантюшка Бодрухин. У белых он служил в одном из пластунских полков, отступал до самого Новороссийска и там был захвачен красными в плен. В плену переболел сыпным тифом, после которого был отпущен домой.

- Здорово, дядя Тарас! – поздоровался он.

- А-а-а, служивый!… Здравствуй, Пантюша, здравствуй!…С прибытием,значит? Ну, присаживайся!…Отвоевались, говоришь?

- Отвоевались, дядя!

- Да-а! Молодцы! А наш всё воюет! Ни слуху, ни духу от самого Екатеринодара. Вот сколько наших повозвращались оттуда, хоть бы кто сообщил о нём!… Ты, случаем, ничего не слыхал?

- А откуда, дядя Тарас, вы имеете о нём последние слухи?

- Да из станицы Старопашковской, где-то там, возле Екатеринодара. Оттуда пришла из отступления Павлова жена, Марина. Вот от неё только и имеем. Встретила она его в Екатеринодаре перед тем, как наши начали отступать за Кубань. И всё! Вот чудак, и чего это он так завоевался? Ведь почти все его одногодки, да и не только одногодки – почти все дома. Как-то сумели пристроиться то в ревкоме, то в культпросвете, то ишшо где. А его всё нет и нет. Да и не то, что нет, а и вестей никаких нет.

- Ой, дядя Тарас, не хотелось вам говорить, но и молчать – грех.

- А что такое? – насторожился отец.

- Да ведь я видел вашего Андрея уже после Марины, за Кубанью, в станице Крымской.

- Правда? Ну, и как он? Что-нибудь говорил?

- Ой, дядя Тарас, отвоевался ваш Андрей навсегда!

- Как отвоевался? Как навсегда? А где же он? – предчувствуя беду, чуть ли не кричал отец. – Говори скорее, что с ним?

- Поминайте Андрея, отдал он Богу душу!

Отец сразу осунулся и лет на десять постарел. Произнеся беспомощно: «О, Боже мой, Боже мой!», - он сел на косилку и заплакал. Наблюдавшая случайно всю эту сцену из окна мать выскочила во двор и, ни о чём не расспрашивая гостя, а поняв материнским чутьём, что Пантюшка пришёл не зря, а принёс что-то страшное, непоправимое, стала в истерике кричать на всю улицу:

- Сыночек мой!!!…Родной мой!!!… На кого же ты нас оставил?!

На крик прибежали мать Пашки тётка Дуня и Илюшкина мать. Они повели мать в хату. Она упала на кровать лицом вниз, уткнулась в подушку и продолжала кричать. Отец же продолжал сидеть в каком-то оцепенении. А Пантелей сидел возле него и в растерянности что-то чертил палочкой на земле.

- Расскажи, Пантюша, как было дело? Откуда ты всё это знаешь? Сам видел или тебе кто сказал? – немного успокоившись, попросил отец.

- Видал сам, дядя Тарас! Правда, хоронить - не хоронил. Полк наш как раз выступал на позицию к Славянской, и мне пришлось…

- О, Боже мой, Боже мой! – закрыв глаза рукой, опять простонал отец.

- …мы шли из станицы Абинской до станицы Крымской походным порядком, - продолжал между тем Пантелей, - и вот, не доходя до Крымской вёрст с пять, мы начали обгонять какой-то обоз. Он как раз остановился и пропускал нас. Смотрю, на одной подводе что-то уж дюже знакомое. Лежит больной, укрыт шинелью, а лицо открыто, должно, сильный жар. Я отпросился у взводного, отстал, подхожу к этой подводе и спрашиваю у подводчика, кто, мол, этот больной? «Да вот такой-то»,- говорит подводчик и назвал Андрея. «А что, - говорит, - земляка признал?» «Да, вроде, - говорю, - станичник, да ишшо почти сосед». «Вон, - говорит, - как?! Вот где Бог привёл встретиться!» Ну, стал, было, я тормошить Андрея, а он чуть приоткрыл глаза и, должно быть, не узнал меня и попросил пить. А у меня, как на грех, в фляжке – ни капли. Его стали поить подводчики, и обоз тронулся. Я догнал свою часть, а в станице отпросился у взводного, разыскал Андреев обоз, но он уже был холодненьким. Простился я с ним и ушёл. Так что хоронить - не хоронил…

Мать с отцом не спали всю ночь. Всю ночь с ними просидели вся наша родня – Черемховы, Ермаковы, Киселёвы. Приходили мои бывшие сослуживцы по Персияновке, не говоря уже о Петре, Илье и Максиме. Глядя на опухшую от слёз мать, все плакали тоже и утешали, как могли.

Утром отец пошёл до отца Ивана договориться насчёт панихиды. Отец Иван, хотя и недолюбливал красных, но из станицы при отступлении белых никуда не пошёл, а «остался умирать со своей паствой», как он впоследствии любил говорить. Его не тронули, только выселили из общественного дома, который он занимал, на частную квартиру. А дом отвели под станревком. Да ребята из Жлобинского отряда кое-что выпотрошили из церкви.

Но прошёл фронт и, когда станица зажила своей обычной мирной жизнью, отец Иван опять начал венчать, крестить, отпевать покойников и отправлять другие церковные службы, как и до всего этого. Когда отец изложил ему свою печальную просьбу, он долго стоял в раздумье. Как никак, а это был первый случай отпевать белого при красных. Хотя никто из станичных красных и не ходил в церковь, но всё равно через разных кумушек слух о том, что батюшка отслужил панихиду по Андрею Черкасову, умершему на стороне белых, распространится по станице моментально и дойдёт до новых властей. И тогда ему, пожалуй, не отвертеться от неприятностей. С другой же стороны, ему было жаль бывшего своего ученика и «стихаря». (Стихарями называли мальчиков-учеников по обслуживанию алтаря).

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Хорошо, Тарас Григорьевич, но только в субботу после вечерни. Да из родни поменьше приглашайте. Знаете, вопрос слишком щекотливый, начнут расспрашивать, что да как.

В субботу после вечерни, когда в церкви не осталось и старух, отец Иван переоблачился в чёрную ризу и стал служить панихиду. Опухшая за эти дни от слёз мать еле держалась на ногах, и её всё время поддерживали по руки дяди Семён Михайлович и Алексей Павлович, приглашённые отцом как самые близкие. И, когда отец Иван печальным речитативом произнёс: «Во блаженном успении вечный покой подаждь Господи усопшему рабу твоему, новопреставленному Андрею, живот свой положившему во болезнях и печалях. Прости ему, Господи, вси прегрешения его, вольные и невольные, … и сотвори ему вечную па-а-а-мять!» – мать потеряла сознание.

На неё стали брызгать водой, махать платками. Отец, безучастно следя, как суетились вокруг его подруги жизни, сам содрогался в рыданиях. А отец Иван в этот момент думал: «Пусть подкапываются ревкомовцы. Скажу, что под прегрешением отпеваемого я понимаю его борьбу против советской власти. Ведь в заупокойной молитве таких слов-то нет».

После панихиды родители устроили небольшие поминки. Мать плакала, но припадков уже не было. А за столом было много толков и предположений о том, что, может быть, это ещё и неправда. Что, может быть, Пантюшка что-нибудь напутал. Что, возможно, он принял какого-то другого больного за Андрея. Пойти же к Пантюшке самому и ещё раз переспросить его подробно, уточнить отец не решался. Он боялся расстраивать себя лишний раз этими подробностями. Да и Пантюшка через несколько дней исчез из станицы. Ходили слухи, что он подался за Дон в какую-то банду. Так это или не так, но Пантюшка больше в станицу не вернулся никогда.

Поведение Пантюшки и разговоры за поминальным столом посеяли в душе отца и матери сомнение в сообщение «очевидца» и вселили в них смутную, но всё же надежду на какое-то чудо.

- Ну, что ему за польза была брехать? – задавал вопрос присутствующим отец.

- Да просто так, захотелось парню трепануться, вот и трепанулся. Погоди, Катерина, не плачь! Мы ишшо в этом курене, за этим столом будем гулять на свадьбе у твоего убиенного, - утешал мать дядя Христофор, - а что панихиду отслужили, так это, говорят старые люди, ишшо к лучшему, когда по живому поют «вечная память». Сто лет будет жить.

- Дай-то, Господи!…Но нет, не будет Пантюшка так, ни с того, ни с сего трепаться!

Лёжа вечером после поминок на постели, отец уточнял свой разговор с Пантюшкой:

- Мать! А ведь Пантюшка, помнится, не сказал, говорили ли ему, из какой станицы был этот больной. Может быть, на самом деле это был просто кто-то похожий на нашего Андрея и одинаковой фамилии. Разве мало на Дону Черкасовых и Андреев?

- А чего же ты не сходил потом и не переспросил?

- Что ты, что ты, Боже сохрани! Я думал, да вдруг бы он сказал, что называли и станицу…Нет, уж нехай это дело так и останется…

Но как ни болезненна бывает рана, как ни страшны её рваные края, сколько бы крови не потерялось через неё, время, в конце концов, берёт своё. Организм преодолевает боль, рана постепенно начинает заживать, затягивается, потом перестаёт болеть совсем. А затем на её месте остаются лишь только больше или меньше заметный рубец, шрам, которые впоследствии лишь напоминают о перенесённых страданиях.

Так и эта душевная рана моих родителей постепенно стала заживать. И только лишь, когда, роясь иногда в сундуке, мать обнаруживала что-нибудь моё, она прижимала его к лицу и, уловив запах родного сына, припадала на крышку сундука и

беззвучно плакала. А потом стало забываться и это. И только ещё долго они замечали, как тайно друг от друга они подолгу простаивали на бугорочке за сараем и смотрели туда, в туманную даль задонского горизонта с тайной на что-то надеждой и ловили себя на том, что помимо их воли на ум им теперь часто приходили слова популярной на Дону казачьей песни, мелодия которой похожа на гимн:

Поехал казак далеко на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он донскую покинул краину,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка – жена молодая
И утро, и вечер на север глядит,
Всё ждёт-поджидает с далёкого края,
Когда к ней милый казак прилетит.
А там, за горами, где вьются метели
И страшны морозы зимою трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Там кости казачьи под снегом лежат.
Казак и молил, и просил умирая
Насыпать курганчик ему в головах,
И пусть на кургане калина родная
Растёт и красуется в пышных цветах.
Пусть вольная пташка на этой калине
Порой пропоёт эту песенку мне,
Как жил-был казак на чужбине
И помнил про Дон на чужой стороне.

17

Наталья узнала печальную весть почти в тот же день, что и Черкасовы. В первый момент она не могла представить и понять всю глубину постигшего её горя. Но потом, когда она осознала, что Андрея нет, что она теперь уже никогда, никогда его не увидит, она достала из комода его письма, ничком упала на постель и, уткнувшись в подушки, прижала эти бесценные для неё бумажки к груди. В одно мгновенье пронеслось в её голове её короткое счастье, её первая, чистая девичья любовь к этому тихому, всегда вежливому, так непохожему на других станичников, парню. Вспоминала, с каким нетерпением, с какой радостью она ждала от него письма и как была счастлива в те минуты, когда добрейший Кузьма Иванович с лукавой, добродушной улыбкой протягивал ей через окошечко в железной решётке заветный конверт. И вот теперь этого ничего нет и никогда не будет. Неужели это был только сон? Прекрасный, неповторимый сон!

Она почти не замечала, как по лицу её текли обильные и горестные слёзы. Не заметила, как рядом с нею присела невестка Дуня, обняла её и залилась в истерике сама, оплакивая своего Василия, погибшего, по слухам в боях на стороне красных где-то на Маныче. Но это были только слухи. И хотя прошло уже пять месяцев, и от Василия так же, как и от меня, не было никаких известий, вся их семья не верили в его гибель, тем более что никакого официального извещения о его гибели не было.

Накричавшись вволю, Дуня стала успокаивать золовку:

- Ну, перестань, милочка! Ведь, может, это и неправда. Может быть, Пантюшка этот ишшо и обознался. Ведь вот смотри, сколько ишшо наших нету, - и Дуня начала по пальцам перебирать не вернувшихся станичников.

От этих одобряющих слов Наталья ненадолго успокаивалась.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

В этот день в новом станичном клубе ставили Чеховское «Предложение». К Наталье зашла Ленка с подругами, и они стали приглашать её в школу-клуб. Но она под предлогом головной боли отказалась и всю ночь проплакала в постели. На следующий день подруги пришли опять проведать и пригласить снова в клуб и принесли Наталье записку от Алёшки Морозова. Того самого Алёшки, который «пристаёт». Наташка, не читая, порвала записку и начала собираться.

Как я уже сказал, с первых же дней прихода в станицу советской власти развлечения молодёжи приняли совершенно иной характер, чем спокон веков до этого. Если раньше молодёжь свои свободные вечера проводила на «улицах», танцуя под гармошку неизменный шен, то теперь в станице был организован так называемый культпросвет с вовлечением в него всей желающей молодёжи, а особенно хорошо грамотных. А так как для этого культпросвета нужно было помещение, и помещение большое, а в станице помимо школы, церкви и недостроенного большого жилого дома сбежавшего купца Шмелёва не было, некоторые из новоиспечённых станичных большевиков из молодёжи решили под культпросвет отвоевать церковь – «чтобы не поп с амвона тримбачил одни и те же и каждую службу свои скучные мистерии, а развлекали бы народ станичные артисты».

Но против такого посягательства молодёжи восстали поголовно все бабы, пожилые казаки и старики. Они написали кому-то в город большую жалобу, под которой собрали больше двух тысяч подписей, и выбрали ходоков. Те уехали в Новочеркасск и возвратились оттуда с постановлением окружного ревкома, не утвердившего просьбы молодёжи, но разрешившего использовать для нужд культпросвета большой коридор станичной школы. Против такого постановления в станице никто не возражал, и культпросвет заработал. Чуть ли не ежедневно ставились одноактные пьески военного времени со стрельбой из бутафорских пистолетов, арестами буржуев, расстрелом белопогонников, криками «ура», с длинными революционными монологами.

На предложение более интеллигентной части культпросвета поставить для разнообразия между военными, с политическим уклоном, пьесками что-нибудь смешное из русского комедийного классического жанра комсомольская часть смотрела на это косо, так как усматривала в русских писателях тех буржуев, которых недавно поколотила и сбросила в Чёрное море Красная армия. Но, скрепя сердце, всё же соглашалась. И. если при постановках военных пьес зрители награждали артистов аплодисментами только лишь тогда, когда опускался занавес, то при шутках Чехова здание школы сотрясалось от беспрерывных рукоплесканий сотен ладошек и гомерического хохота.

Народ в культпросвет повалил валом. Традиционные «улицы» отодвинулись на второй план. И не только молодёжь, но и некоторые не особенно набожные старики с нетерпением ждали очередных спектаклей. Станичников и особенно стариков в культпросвете привлекало ещё и то, что считавшийся раньше привилегией города театр стал и их достоянием.

По окончании спектакля и в дни между ними объявлялись танцы. Причём, танцевали уже не шен, а освоенные в короткий срок бальные танцы. Сначала танцевали под духовые оркестры проходивших через станицу воинских частей, а потом под двухрядки Дмитрия Панарина и других ребят, а также под нескольких балалаек и мандолин станичных галетов. В это время и появилась у ребят мысль завладеть моим баяном.

Рассечённая надвое от Орла до Таганрога мощным рейдом Первой конной армией в декабре девятнадцатого года белая добровольческая армия Деникина вместе с Донской армией начали свой поспешный отход на юг по трём направлениям: правый фланг через Ростов-Новочеркасск-Константиновскую и от Царицына по за Доном – в Сальские степи, а оттуда – на Кубань и в Ставрополье; левый – на Одессу и центр фронта, сводный конный корпус под командованием генерала Слащёва – в Крым. Слащёв вошёл в Крым сухопутьем, закрепился в нём и не пустил через перешеек красных.

Весь Черноморский флот в Одессе и Новороссийске, вместе с флотом Антанты, не мог поднять на свои палубы все остатки белых ратей. Поверженные остатки белых, оставшиеся на берегу, не пожелали всей массой сдаться на милость победителя. Некоторые западные группировки белых бежали в Румынию. Часть восточного фронта устремилась по побережью моря в Грузию, откалываясь по пути в горы, к «зелёным». Но многие остались на месте, в этих городах, и большая их часть вступила добровольно в ряды победителя. Часть этих добровольцев была мобилизована в трудовую армию и отправлена в Донбасс на работы в угольные шахты. Кое-кого, особенно из стариков и слабосильных, после ранения и болезней распустили по домам.

Их всех разгромленных вооружённых сил юга России едва третья часть спаслась бегством на пароходах из Одессы, Новороссийска, Туапсе, Сочи, и Сухуми в Крым, не считая группировки генерала Слащёва, и укрылась за его перешейком и гнилым Сивашским морем.

Трёхвековое убежище осколка Золотой орды – Крымского ханства, тревожившего в течение трёх веков сначала Московское, а потом Российское государство, стало теперь убежищем осколка вооружённых сил юга России. В это время, по настоянию союзников, была произведена смена бывшего главнокомандующего белых Деникина на молодого, энергичного генерала из русских немцев – барона Врангеля, командовавшего у Деникина корпусом на Царицынском направлении.

Стареющий Деникин не сумел обеспечить материальные интересы Антанты. Вложенные западно-европейскими толстосумами громадные капиталы в нефть Кавказа, уголь Донецкого бассейна и в металлургию Украины ещё в царское время, национализированные в восемнадцатом году большевиками и отвоёванные у них Деникиным в девятнадцатом, не только не сулили теперь жирных барышей, но и возврата основного капитала. Большевики, провозгласившие «экспроприацию экспроприаторов», не хотели добровольно поступиться тем, что было завоёвано 25 октября 1917 года, и не делали исключения и для иностранцев. К тому же, колоссальные военные поставки союзников в виде вооружения, обмундирования и продовольствия бессовестно разворовывались интендантами и другими деникинскими подчинёнными и продавалось на чёрном рынке. И хотя Деникин издавал неоднократно приказы и распоряжения о наказании виновных, положение не улучшалось.

В результате всего этого, вскоре после прибытия кораблей из Новороссийска, один из стальных громад английского военного флота принял на борт бывшего диктатора юга России, а со второго корабля – «Императора Индии» - ступил на Севастопольскую Графскую пристань в красной гвардейской фуражке и кавказской чёрной черкесске с серебряными газырями молодой, стройный генерал, новый правитель юга России – барон Пётр Николаевич Врангель, окрещённый впоследствии за свою неизменную чёрную черкесску «Чёрным бароном».

В девятнадцатом году Врангель командовал добровольческой Кубанской армией на правом фланге Донской армии на Саратовском направлении. За прямоту, неукротимый нрав и смелую критику деникинской ставки он навлёк на себя опалу Деникина, принял предложенную ему отставку и жил в изгнании в Стамбуле.

Железной рукой стал наводить порядки новый главнокомандующий на подвластной ему теперь территории. Беспощадно рубя головы казнокрадам и

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

взяточникам, он в то же время стал заигрывать с рабочими и крестьянами. Если с первых дней своей власти он жестоко расправлялся с заподозренными в большевизме или хотя бы в сочувствии советской власти, то теперь, по мере «огосударствования» Крыма и Северной Таврии, он стал таких заподозренных и сочувствующих высылать за пределы своей территории к тем, кому сочувствовали эти люди – в «Совдепию», переправляя их через фронт.

19

Географическое положение Крымского полуострова, защищённого с трёх сторон морем, а с четвёртой, северной – топкими, непроходимыми Сивашскими болотами с тремя перешейками – Перекопским, Чонгарским и Арбатской Стрелкой – делали Крым для сухопутных войск противника неприступной естественной крепостью. И Врангель принял решение сделать Крым опорным пунктом и отправной базой для похода на Москву.

Но он не удовлетворился этими естественными преградами. Как никак, но они были уязвимы, если на них пойдут штурмом многочисленные легионы. Поэтому он предпринял все меры к тому, чтобы эти естественные преграды укрепить искусственными, инженерными сооружениями. Огромный древний вал, пересекавший Перекопский перешеек на протяжении семи вёрст, от Каркинитского залива до Сивашского моря, и высотой, считая от дна рва и до верхушки насыпи – около десяти саженей, возведённый трудами рабов в далёкие, более двух тысяч лет тому назад, времена, о котором упоминают историки древности, был при помощи цемента, стали и колючей проволоки, под руководством французских инженеров, превращён в Крымский Верден (Французская крепость. В первую мировую войну в районе Вердена происходили кровопролитные бои между французскими и немецкими войсками. Взять Верден германским войскам не удалось. Общие потери составили около одного миллиона человек). Глубокий ров был заминирован фугасами и непроходимо опутан колючей проволокой. Пространство перед ним и за ним, вглубь полуострова до деревни Юшунь, также всё было в ажуре переплетений колючей проволоки.

Чонгарский перешеек через Сиваш гораздо уже Перекопа. По нему проходила железная дорога Александровск-Севастополь, и он был укреплён ещё сильнее. А Арбатская Стрелка, узкая коса, от Геническа до Керченского полуострова, протяжением около ста вёрст и шириной среднем до четырёх вёрст, надёжно охранялась со стороны Азовского моря мощным флотом союзников.

Таким образом, северные ворота в Крым были закрыты наглухо. А опасаться трёх остальных сторон было нечего. Их прибрежные воды непрерывно бороздили стальные плавучие крепости опять тех же союзников. Большевистские же «старые калоши» загнаны в Таганрогскую бухту и пикнуть оттуда не смеют. А воздух? С этой стороны у Врангеля было явное преимущество перед большевиками. На каждый большевистский аэроплан у него – десятки, не говоря уже о том, что союзники обещают ещё и ещё. Так же дело обстояло и с танками и броневиками. Правда, у противника был перевес в коннице, которая, по донесениям разведки, начала перебрасываться с польского фронта сюда, к Крыму. Но что могут сделать какие-то, пусть даже легендарные, эскадроны Будённого против стали и нефти?

Заложив руки за черкесску, Врангель нервно ходил по своему обширному кабинету, мягко утопая кавказскими, без каблуков, сапогами в нежном ворсе персидского ковра. Нет! Никогда большевикам не видать Крыма! Инженерная мысль в сочетании со стратегической сделала Крым абсолютно недосягаем даже для мыши. Но ведь не будет же он вечно сидеть в этом серале былых Крымских владык! А для похода на Белокаменную нужны сильные многочисленные рати. А где эти рати? Где люди для

этих когорт? Их-то как раз у Крымского властителя не было. Правда, он разогнал ненужные тыловые надстройки, ликвидировал излишки в тылу, эту раковую опухоль на теле всех армий. Он заставил многих из тех, чьи интересы больше всех были попраны большевиками, стать в ряды и взять винтовки, так как каждый из них стоит десятка рядовых солдат. Но всё это – капля в море. Нужны ещё и ещё люди. А где их взять?

Десанты полковника Назарова на Дон и генерала Улагая на Кубань с заданием поднять вновь против большевиков донское и кубанское казачество, на которых возлагались большие надежды, потерпели полнейший крах. Назаров почти в единственном числе еле унёс с Дона свою голову, а Улагай с остатками своих разгромленных отрядов едва успел погрузиться на азовские пароходы и отплыл восвояси. Попытка переманить на свою сторону Гуляй-Полевского атамана не привела ни к чему. Буйная, разнузданная ватага, не признающая никаких политических окрасок, не только отклонила переговоры, но даже не выпускала из своих владений многочисленных парламентёров Врангеля. Врангель, правда, не особенно доверял этому акатуйскому каторжнику – сколько раз тот подводил то одну, то другую сторону. Но ведь это было тогда, при его предшественнике. А уж он бы нашёл с этим Гуляй-Полевским общий язык. Только бы переманить, а уж тогда бы он сумел обуздать эту вольницу!

Но Махно словно разгадал план Врангеля. Он продолжал бить врангелевцев и в то же время ненавидел лютой ненавистью и красное самодержавие.

Продолжая нервно ходить по кабинету, Врангель всё думал и думал. Не идёт что-то у него дело и с его земельным законом. Ведь это так же ясно, что он, Врангель – Врангель. Что основное противоречие между старым и новым миром, между классом крупных землевладельцев-помещиков и безземельным крестьянством, основным многочисленным классом России, является земля. Что в основном из-за неё идёт вековая вражда между богатыми и бедными, что из-за неё произошла революция, а сейчас, вот уже третий год, льётся кровь русского народа как с одной, так и с другой стороны. И для того, чтобы положить раз и навсегда конец всяким шатаниям крестьянства и привлечь их на свою сторону, он издал такой ясный и твёрдый «Закон о земле» за выкуп, которым решил предвосхитить большевиков с их «Декретом о земле» без выкупа.

Неужели большевики не понимают одного, что, отобрав землю у помещиков без выкупа и передав её земельным комитетам для распределения среди нуждающихся, они настроили против себя крестьянство тем, что не сразу поделили землю между конкретным Петром и Иваном, что они совершенно игнорировали психологию крестьянства как мелкого собственника – того же помещика в маленьком масштабе. Ведь он же, Врангель, отлично знает, что мужик не любит неясностей, недоговоренностей во всём, а тем белее в таком щекотливом деле, как земля – вековая его мечта. Что он неохотно берёт в собственность то, что не подкреплено соответствующей бумагой. Что именно из-за того, что земля большевиками не передаётся непосредственно Петру или Ивану и не закрепляется за ним навечно, закон большевиков не по нутру крестьянству, особенно зажиточной его части, которому, к тому же, этот закон ничего не даёт. Что, взяв землю у помещика бесплатно, словно украв, крестьянин, от природы честный, добросовестный и прямой, будет себя чувствовать не очень-то уверенным её владельцем. Что при таком неустойчивом положении, как сейчас в России, её, эту землю, как чужую собственность, доставшуюся даром, можно сказать, воровски, могут каждую минуту отобрать.

Нет, он, Врангель, так не сделает. Он учёл вековую мечту русского мужика о собственном наделе. Он поступился собственными имениями и, нажив врагов, заставил тряхнуть земельной мощной господ земельных российских магнатов. Он передаст эту землю крестьянам, но только без игры в демагогию с жаждущими земли, а за выкуп. За

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

справедливый выкуп, на долгосрочных льготных условиях, причём, непосредственно тому же Петру и Ивану и столько, сколько каждый из них может обработать. Ведь он, Врангель, отлично знает, что для крестьянина лучше заплатить за свой надел деньги и этим узаконить приобретение, получить вместе с землёй и «бумагу» за неё и стать её прочным владельцем навеки, чем получить её бесплатно и без всяких гарантий права вечной, наследственной собственности.

Но что-то уж слишком настороженно и подозрительно относится крестьянство к его закону, такому ясному, незыблемому и выгодному для него. Оно не верит в него и, видно, поэтому не желает давать людей не только для формирования новой, Русской армии, как её решил назвать Врангель, но и не пополняет ряды той, что с каждым днём всё редеет и редеет. Неужели он в чём-то и здесь ошибся, чего-то недоучёл? Чего-то недооценил? В чём же дело? Где же этот ключ к загадочной душе русского мужика, который так нужен ему сейчас в борьбе с большевиками?

Не любят что-то его и здесь, в тылу. В горах накапливаются неуловимые партизаны, число которых растёт с каждым днём. Эти банды разлагающе действуют на неустойчивую часть его армии, пытаются разрушать коммуникации, занимаются диверсиями. Разве не их рук дело, когда в одном из портов Северной бухты не так давно, 19 июля, взлетел на воздух склад снарядов? Хорошо, что нашлись смельчаки, которые, рискуя собственной жизнью, предохраняясь от града сыпавшихся с неба стальных осколков под тройным тентом катера, успели отбуксировать от этого ада загруженный таким же опасным грузом пароход и отвести его в безопасное место.

А как же у него сначала пошло хорошо! Стремительной операцией слащёвского десанта со стороны Азовского моря и одновременным броском крымских полков через Перекоп и Чонгар его войска уже заняли всю северную Таврию и начали продвигаться на Синельниково и Таганрог. И вдруг этот идиот, этот выскочка, этот первый кавалер его, Врангеля, первого ордена «Святого Николая Чудотворца», этот бывший его, Врангеля, соперник на пост диктатора Крыма, этот самонадеянный стратег, начальник его первого десанта, испортил всё дело. Да как испортил – непоправимо!

- Сместить!…Разжаловать!…Выгнать! - Врангель так ударил по столу, что подпрыгнул и зазвенел в мельхиоровом подстаканнике стакан.

20

По мере продвижения врангелевских войск на север и восток Таврии расширялся фронт, но вместе с этим редели те немногие полки и дивизии, которые Врангель вывел из Крыма. А затыкать образовавшиеся бреши, кроме как оголением тылов, было нечем, так как расчёт на восстание донских и кубанских казаков провалился. Ничего не дала Врангелю и объявленная им мобилизация крестьянства. И тут неожиданно, как выстрел у уха, на голову Врангеля свалился Каховский плацдарм красных.

Переправившись на левый берег Днепра у города Берислава, красные закрепились у большого приднепровского села Каховки, от которого до Перекопа было около семидесяти вёрст, и стали оттуда угрожать слабым тылам Врангеля, чем сковывали его дальнейшую наступательную инициативу. Никакие отборнейшие врангелевские полки, ни танки, ни аэропланы не могли ликвидировать этот опасный нарыв на теле фронта белых. Красные словно вросли в этот небольшой клочок таврической степи за Каховкой и не двигались с места.

Виновником этого непростительного ляпсуса, когда в тылу сидит противник и ломает все тщательно разработанные планы, Врангель признал командира десантного корпуса, генерала Слащёва, которого он недавно наградил первым орденом «Святого Николая Чудотворца» и присвоил ему к прежней фамилии Слащёв приставку Крымский. Слащёв официально отныне стал именоваться Слащёв-Крымский.

Врангель не любил Слащёва и не хотел этого делать. Но не считаться с мнением высшей офицерской среды, у которой Слащёв был очень популярен, Врангель не мог. Удачные операции по высадке войск на побережье Азовского моря и стремительное овладение Северной Таврией ещё более возвысили авторитет Слащёва в глазах офицерства.

А в данной ситуации Слащёв недооценил правобережные силы красных на участке Никополь-Херсон. В расчёте заманить противника от Днепра вглубь таврических степей и там его уничтожить Слащёв предпринял ложный манёвр отступления, но просчитался. Красные погоней не увлеклись, а переправились на левый берег Днепра у города Берислава и начали возводить оборонительные сооружения, которые вошли в историю как знаменитый «Каховский плацдарм». Этот плацдарм сыграл решающую роль в разгроме последних вооружённых сил белых на юге России и окончании гражданской войны.

Врангель метал громы и молнии и теперь уже не стал считаться с мнением высших чинов своего штаба и приказал отстранить Слащёва от командования, списать из армии и прогнать в Турцию. Тем белее, у Врангеля возникло ещё одно основание для смещения – недоверие. До него дошли слухи о том, что на одной из приятельских пирушек в Мелитополе Слащёв позволил себе, якобы, такое высказывание:

- В дни, когда внешние, исконные враги России терзают её (в то время Советская Россия вела войну с белополяками), честь офицера Русской армии не позволяет мне вонзать нож в спину Родины.

Быть может, эти слова или подобные им, действительно где-то и кому-то сказанные Слащёвым, и послужили ему впоследствии смягчающим обстоятельством для забвения его вины перед Советской властью за его зверства во время деникинщины. После разгрома Врангеля Слащёв добровольно вернулся в двадцать первом году в Россию, был Советским правительством амнистирован и приглашён преподавать в Академию Генерального штаба. Там впоследствии он был опознан одним из слушателей – родным братом казнённого Слащёвым большевика - и застрелен им прямо в аудитории.

Слух о смещении Слащёва дошёл и до низов. Но так как говорить об этом было нельзя, то мы очень осторожно делились между собой, веря и не веря в отставку такого преданного белым служаке, как Слащёв. Но, по-видимому, это было так. Приблизительно в эти же дни я совершенно случайно услышал оброненные полковником Захаровым слова. Я был в это время дежурным по штабу и вечером, когда все ребята ушли в «Гигант» (кинотеатр), печатал на машинке срочную работу, а Захаров с Кумшатским, сидя в кабинете Захарова, дверь в который заменяли тяжёлые плюшевые портьеры, о чём-то разговаривали и смеялись. О чём, я не вслушивался, так как не имел привычки подслушивать чужие разговоры. Но в тот момент, когда я перестал печатать и начал разбирать рукописный, исправленные и переисправленный черновик работы, до меня донеслось:

- Да-а-а! Так вот как наш новоиспечённый Крымский в надежде на всепрощение спекулирует своим кредо…

- Я тоже слышал. Но неужели это правда?

- Конечно! Господи, ведь из первоисточников…Кто бы мог подумать?

Офицеры, очевидно, полагали, что простой писарь не поймёт их разговора и поэтому говорили достаточно громко. Но я хорошо понял, о ком шла речь. И чтобы они не подумали, что я их подслушиваю, я начал опять усердно стучать машинкой.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

День девятнадцатого июля (первое августа н. ст.) начался так же, как и предыдущие. Погода стояла солнечная, тихая. Было воскресенье, и Базарная площадь на Корабельной слободке, где размещались
штаб, хозяйственная часть и офицерское собрание нашего полка, была полна народа. Приезжие татары торговали с арб арбузами, дынями, помидорами, брынзой, картофелем. Прилавки были завалены камбалой, кефалью, скумбрией, свежей хамсой, яйцами, маслом. И тут же, между возами, прилавками и торговками с земли, шныряли всякие личности и происходили обмен, приобретение и сбыт самой ходовой врангелевской валюты – обмундирования английского и американского происхождения, как поношенного, так и совершенно нового. Всё это спускалось или за продукты, или просто продавалось. Но это было редким исключением, так как врангелевские кредитки, из которых самые крупные – синие пятисотки с изображением Новгородского памятника тысячелетию России, были очень неустойчивы, падали в курсе с каждым днём и в оплату брались очень неохотно.

Воскресный шум торга был в самом разгаре, когда мы, побродив по базару и позавтракав, собрались переправиться на Северную сторону на пляж, как вдруг со сторону Ушаковской балки послышалась стрельба, сначала одиночная, ружейная, потом пачками, а затем с этим раздался взрыв, потом ещё один, и ещё, и ещё, и опять – ружейная стрельба. Прекратив свои торговые дела, народ на базаре сначала насторожился, а потом стал сворачивать торговлю и разбегаться. Поспешно запрягали свои арбы и разъезжались татары. В какие-нибудь минуты базар опустел совершенно, а стрельба и взрывы за Ушаковской балкой не только не прекращались, а становились всё чаще и громче.

- Не восстание ли это? – высказал предположение Андрей Васильевич. – Давайте-ка мы обратно к Николаю.

Действительно, последние дни в Севастополе ходили слухи о подготовляемом Севастопольским подпольным комитетом большевиков восстании. И хозяин квартиры, где мы столовались, но не ночевали, и где были наши личные вещи и хозяйка которого готовила нам еду – рабочий Севастопольского Южного дока Николай Пичугин, не раз предупреждал нас, чтобы мы, в случае чего, не оставались бы в своих канцеляриях, а собирались и отсиживались бы у него на квартире, как самом безопасном при таком моменте месте. Он настолько привык к своим тихим, вежливым, далёким от всякой политики квартирантам, что иногда немного и очень осторожно с нами откровенничал.

Мысль Андрея Васильевича сейчас же была подтверждена ещё и тем, что минут через десять после начала таинственных взрывов в направлении их, в сторону Малахова Кургана, пробежало со стороны Черноморских казарм около роты солдат с винтовками наперевес.

И вдруг над местом стрельбы и взрывов, высоко в воздухе образовалась громадная, чёрная, похожая на гриб туча. Оттуда сверкнула молния, и раздался такой оглушительный взрыв, что задрожала, как от землетрясения, базарная площадь, и жалобно зазвенели оконные стёкла. В воздухе послышалось что-то подобное тому, как вспархивают из под ног человека застигнутые врасплох куропатки. Это рассекали воздух осколки.

За этим взрывом последовало ещё несколько с небольшими интервалами, а потом уже взрывы стали почти сплошными, как непрерывные раскаты грома в августовские «воробьиные ночи». И тут кто-то крикнул, что это рвутся в порту снаряды.

- А ну, ребята, пошли туда, поближе, - предложил Андрей Васильевич, когда стало ясно, что это никакое не восстание, а действительно что-то взрывается.

Приблизиться к этому аду было и заманчиво, но вместе с тем и опасно. Но любопытство взяло верх. Перебежками, укрываясь за домами и заборами, мы добежали до Ушаковой балки. По ней мы добрались до древнего римского водопровода и

укрылись под одним из его акведуков. Там уже пряталось много отдыхающих, купавшихся перед катастрофой в Северной бухте со стороны города.

Отсюда не было видно самого места взрывы, так как оно скрывалось за небольшим выступом берега бухты. Высовывать же нос дальше акведука было опасно – осколки доносились и сюда. Но нам хорошо был виден загруженный по самую ватерлинию пароход, стоявший у самого причала, где творился ад. Пароход, по всей видимости, был без паров. По толпе стали тревожно перебрасываться, что этот пароход гружён тоже снарядами и что, если взорвётся он, то от Севастополя не останется и половины, так как одно дело, когда снаряды рвутся на открытом воздухе, и совершенно другое, когда они взорвутся чуть ли не в герметически закрытых трюмах.

Вода вокруг парохода и дальше по бухте словно кипела от падавших в неё осколков. Стоявшие в бухте военные корабли и грузовые пароходы поспешно снимались с якоря и уходили в море. Казалось, что для ликвидации пожара и увода в безопасное место опасного парохода ничего не предпринималось.

Но вот от одного из броненосцев отделилась с натянутым тентом шлюпка и, невзирая на кипящее море и опасность, полным ходом направилась к обречённому пароходу. Замирая от страха и опасения за жизнь экипажа шлюпки, мы наблюдали из-за своего укрытия, как шлюпка смело подплыла к пароходу, пристала к нему с неуязвимой для горизонтальных осколков стороны. Подтянувшись к носу парохода, люди каким-то образом, нам этого не было видно, сняли петли причальных канатов с причальных тумб и шлюпкой же, как буксиром, стали оттягивать такую загруженную махину в безопасное место. Покрывая звуки взрывов, отовсюду в адрес смельчаков послышались крики «ура» и рукоплескания. Наградили их овациями и мы.

Взрывы становились всё реже и реже, но показываться на открытом месте было ещё небезопасно. Пользуясь укрытием балки и росших по ней деревьев и кустарников, мы стали перебегать в направлении Малахова Кургана, куда не догадались пойти сразу, так как с него наблюдать было бы гораздо удобней и безопасней, чем из-под древнего водопровода. Но сейчас доступ на Курган был закрыт. С него за местом катастрофы сейчас наблюдало в бинокли высокое начальство – севастопольский штаб Врангель и донской атаман Богаевский. Да и смотреть уже было нечего. Пожар, как быстро начался, так же быстро и прекратился - слишком уж горюч был материал. Сейчас только дотлевали ящики, да дымили деревянные настилы и забор, которым склад был отгорожен от линии железной дороги. Место взрыва было оцеплено войсками, и доступ туда был закрыт, так как опасались одиночных, запоздалых взрывов. А они были.

Начальником караула склада в этот злосчастный день был офицер нашего полка, сотник Антонов, из студентов. Я его хорошо знал. Состав караула тоже целиком был из наших атаманцев.

Когда часовые заметили между штабелей ящиков с винтовочными патронами подозрительный дымок, они немедленно дали сигнал тревоги в караульное помещение. Прибывший сейчас же к месту вызова сотник сразу же установил, что возник пожар. Локализовать очаг огня при наличии такого горючего, как начинённые порохом патроны и снаряды, даже если предпринять немедленные меры, было уже слишком поздно. С секунды на секунду склад мог взлететь в воздух весь, без остатка. У Антонова едва хватило времени отдать распоряжение часовым немедленно сняться со своих постов, а остальному караулу покинуть караульное помещение и всем залечь тут же, на территории склада под укрытие лежащих беспорядочно, навалом, стальных щитов от орудий военного корабля «Императрица Мария».

Здесь надо сделать не большое отступление.

Ранним летним утром 1916 года севастопольцы были разбужены необычайным, чрезвычайно сильным звуком одиночного взрыва и, испуганные, стали выглядывать из домов, чтобы узнать причину. А город уже облетала потрясающая весть, что это взорвался стоявший на якоре в Северной бухте гигантский корабль Черноморского

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

флота Российской Империи – «Императрица Мария». Взорвался он при самых таинственных обстоятельствах. Приподнявшись от мощного взрыва в воздух, он перевернулся вверх килем и исчез в водах бухты. С ним погиб и весь бывший на нём экипаж.

При власти белых погибший корабль решили поднять со дна морского. Специалисты-водолазы опустились на дно корабля, просверлили в нём отверстие и, накачав через шланг корабль воздухом, приподняли его и буксировкой ввели в один из доков Северной бухты. Утопленников, пролежавших в воде довольно долгое время, извлекли и похоронили на Братском кладбище, а пароход стали разбирать по частям и возить эти части на противоположный берег, к железной дороге, и сваливать в кучу на площадке, где уже потом, при Врангеле, был оборудован порт для разгрузки пароходов с боеприпасами. И вот, под этими самыми обломками, горстка солдат во главе с офицером в течение около трёх часов была на волосок от смерти в самом пекле ада.

Оглушительные взрывы сотрясали воздух. Осколки рвущихся снарядов стальным градом барабанили толстую корабельную сталь. От страшной жары начала тлеть одежда. До умопомрачения хотелось пить и скорее умереть, лишь бы прекратились эти адские муки. Оглушённые, опалённые, изнемогающие от жажды, часовые только к вечеру, когда уже было ясно, что опасность миновала совершенно, были сняты со своего поста и отправлены прямо на гауптвахту. Потом их всех судили.

Следствием было установлено, что пожар склада, расположенного у линии железной дороги, произошёл от случайной искры из трубы проходившего мимо паровоза, топившегося дровами. Искра упала на место разбитых при неосторожной выгрузке ящиков с патронами и рассыпанного пороха. И этого было вполне достаточно для того, чтобы через два часа от громадных штабелей ящиков с патронами и снарядами, от крепёжных столбов и забора да упавших с поднебесья не успевших сгореть в воздухе упаковочных ящиков остались одни тлеющие куски. Всё остальное, исковеркав складскую площадку, было взорвано, сметено в разные стороны и исчезло в глубинах бухты, рассеяно по каменистым предвериям Севастополя или плавало по бухте чёрными головёшками.

Караул в полном составе обвинили в преступно-халатном бездействии в военное время, вследствие чего «Правительству Юга России был нанесён колоссальный материальный и моральный ущерб». Антонову дали двадцать лет каторги, часовым – по пятнадцать, остальным караульным, находившимся в момент взрыва в караульном помещении, - по десять.

22

Перекопская катастрофа белых застала меня в немецкой колонии Мариенталь, недалеко от Джанкоя.

За месяц до этого, окрылённый временными успехами Врангель, когда его войсками были заняты логово Махно (Гуляй-Поле) город Алексадровск, большая узловая станция Синельниково, а недалеко уже маячили терриконики Юзовки, Макеевки и Горловки, а за ними – граница обетованной земли – Донская область, отдал приказ направить на фронт бывшие в резерве, расквартированные в Севастополе гвардейские полки Первой конной дивизии – лейб-гвардии казачий и наш, атаманский.

В день отправки строевые сотни этих полков были выстроены на Приморском бульваре. Взобравшись на пьедестал памятника Нахимову, Врангель произнёс полную пафоса напутственную речь примерно такого содержания:

- Донские орлы!!! Расправьте свои могучие крылья и направьте свой стремительный полёт туда, где взмокшие от слёз родные степи ваши, где вольные станицы и очаги ваших славных предков истекают кровью. Отцы и деды ваши, матери, жены, сёстры, невесты, изнывающие в ярме большевистского рабства, с надеждой и

упованием обращают взоры свои сюда, взывают о помощи и ждут вас как избавителей! Донцы!!! История нашей Родины полна героических сказаний о славных делах ваших предков. Не подвигами ли ваших пращуров, дедов и отцов созидалось и росло могущество Великой России?! Не славные ли полки Тихого Дона не раз отстаивали свободу её и независимость?! Не оставим же мы её в беде и в эти смутные для неё дни!...

Вслед за регулярными сотнями двинулись штабы и хозяйственные части. Ранним утром 3 октября хозяйственная часть нашего полка высадилась на перроне Мелитопольского вокзала, а через час дежурные обывательские подводы доставили нас в большое село Владимировку, недалеко от Мелитополя.

В селе было свободно, и мы разместились по квартирам по двое-трое. Я стоял на квартире вместе с Андреем Васильевичем у одного зажиточного селянина, семья которого была совсем небольшая: он сам с женой, люди уже пожилые, лет под пятьдесят, их сын, года на два старше меня, и такого же возраста его молодуха, весёлая, смазливая бабёнка, хохотушка и шалунья, чем-то неуловимо напоминающая мне Настю. Она с первых же дней стала уделять особое внимание почему-то мне. Стала со мной заигрывать, разумеется, когда не видели её домочадцы: то щипнёт мимоходом, то толкнёт, то вроде нечаянно наступит на ногу, то по деловому подправит мне рубашку под поясом.

Я сначала смущался, глупо улыбался, терялся и не находил, как и чем проявить своё отношение к этому вниманию молодой хозяйки. Но вот однажды, через несколько дней стоянки, хозяин с сыном уехали рано утром на базар. С ними уехал и Андрей Васильевич купить кое-что из продуктов и отослать в Севастополь нашей квартирной хозяйке, жене рабочего Николая. Она кое-чем приторговывала на базаре и при отъезде нас из Севастополя попросила Андрея Васильевича взять на себя роль её поставщика.

Проводив Андрея Васильевича, с которым мы спали вместе на одной большой деревянной кровати в отдельной комнате, я натянул на себя шинель и приготовился продолжать прерванный сон, как вдруг услышал еле слышный скрип двери, и в нашу комнату кто-то вошёл.

- Кто это? – приподнялся я на локте и вглядываясь в темноту.

- Це я, Одарка! Пидвинься трохи!

Ко мне под шинель лезла молодая хозяйка.

- Ты что? Как это ты так смело? А мать?

- Та воны ж глухи, им хоть с ружжя бабахай и тоди не почуют.

Она обняла меня сильными горячими руками и вся дрожа, как от озноба, стала неистово меня целовать…

Утром я стыдился смотреть в глаза старой хозяйке, а молодица, как ни в чём ни бывало, посмеивалась, накормила меня завтраком и, совершенно не стесняясь, сказала:

- Сидня годин в дивять выходь за стодолу в очерет.

- Да ты что? А муж?

- От тож дурний – да вин же с дороги будэ спаты, як убитий.

За клуней у хозяина был огород, упиравшийся концом в заросли камыша, росшего сплошным гаем по берегу степной болотистой речушки Молочной, куда хозяева ходили за водой для разных домашних надобностей. Для питья и варки пищи они пользовались водой из колодца на улице. В этих зарослях камыша Одарка и начала теперь назначать мне каждый вечер свидания, причём, проявила в этом деле максимум изобретательности, исключавшей всякие подозрения домашних. Причину моей отлучки из канцелярии вечерами (мы работали допоздна) ребята знали и посмеивались. У них почти у каждого тоже были рыльца в пуху, а Фёдор Васильевич не обращал внимания. Получасовые отлучки с вечерних занятий роли не играли, тем более что у каждого из нас всегда было всё в ажуре.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Ты что, со всеми постояльцами так развлекаешься? – спросил я как-то раз Одарку, сидя с нею в обнимку в камышовых зарослях.

- Ой! Що ты?! Це тилько з тобою, бо ты дюжа гарний хлопчик, а мий старий не гож.

И она шёпотом поведала мне, что муж её почти не способен для супружеской жизни, так как у него кила (грыжа) и по этой причине ни разу не призывался в армию, ни в белую, ни в «червоною». И что по этой причине они не имеют детей, хотя женаты уже четвёртый год.

- Ой! Що я буду робитимо, як вы уидыте? Бо я вже звыкла до тэбе, Андрушка, коханя мий! Визьми мэни з собой, а?

- Чудная ты, Одарка, ведь у тебя же муж. А потом, как же я потащу тебя за собой, когда мы теперь всё время будем на колёсах? Да и к чему? Побаловались немного, ну, и хватит. Ты, Одарка, гарна дивчина, но ведь я к тебе не напрашивался. Первая-то начала ты.

От этих жестоких слов Одарка начинала плакать, а потом, спохватившись, быстро вскакивала:

- Ты не уходь, я зараз!

И быстро несла вёдра с водой в хату и так же быстро возвращалась обратно. Проходило с полчаса. Потом я прощался с нею, воровато шмыгал в соседский огород и появлялся в канцелярии.

23

Так продолжалось дней десять. И вдруг ночью, по тревоге, канцелярские наши сундуки были спешно погружены опять на обывательские подводы и доставлены ночью на тот же Мелитопольский вокзал. А к вечеру следующего дня другие обывательские повозки уже крымских немцев-колонистов доставили нас и эти сундуки от какого-то небольшого крымского полустанка к югу Джанкоя в свою колонию.

О положении на фронте официальных сообщений не было. Да и вообще не было никаких газет. Ходили только слухи о том, что поспешное бегство тылов из северной Таврии в Крым вызвано внезапным наступлением красных по всему фронту. Что на Каховском плацдарме ими осуществлён прорыв, и кровопролитнейшие бои уже идут под Перекопом. И что обстановка на фронте далеко не в пользу белых.

Но и без этих слухов можно было догадаться о положении на фронте хотя бы по тому, что было отдано распоряжение: канцеляриям не разворачиваться, а необходимую деловую переписку вести на крышках сундуков прямо на подводах. Кроме того, круглосуточное дежурство обывательских подвод, какая-то спешная и непонятная, туда-сюда, перегруппировка пехоты через колонию, сумрачное настроение штабного офицерства, их повышенная нервозность и другие кое-какие штрихи в их поведении говорили о том, что на фронте не всё благополучно.

Ночью 25 октября вдруг всё опять пришло в движение. И когда обоз на хороших, упитанных немецких лошадях выехал за колонию и взял направление на юг, я понял, что началась агония, конец, последнее бегство. А куда? Было очень холодно, поэтому мы все слезли с повозок и бежали рядом с ними.

Ехали рысью весь день с двумя небольшими, по получасу, не более, остановками для кормёжки и поения лошадей. В одном месте мы обогнали партию пленных красноармейцев под надзором нескольких равнодушных конвойных. Впервые я увидел красных в массе. Это были такие же парни, как и я, Мишка, как Митя и как все другие наши ребята. Стоя на обочине дороги в пыльной лебеде и пропуская обоз, пленники просили хлеба. Мы достали весь свой запас и на ходу бросали его им в подставленные руки. С других подвод делали то же самое. «Интересно, что нами сейчас руководит? –

думал я. – Сострадание или инстинкт задобрить на всякий случай?» Нет, я бы при любых обстоятельствах поделился бы последним куском хлеба с голодным, кто бы он ни был.

Меня поразила удивительная дисциплина этих, наверное, очень голодных людей. Они не кидались в нетерпении выхватить хлеб из рук тех, кому он попал, а, разбившись на кучки, по-видимому, делили его по-братски между собой. А равнодушные конвойные, опёршись на винтовки, ничему не препятствовали и молча наблюдали за проходившим мимо обозом.

В сумерках мы остановились в какой-то балке, и Захаров распорядился жечь канцелярию. Жечь всю, без остатка.

И вот, пока отдыхали лошади, между подвод запылали костры из донесений, приказов, рапортов, разной отчётности и других деловых бумаг, аккуратно подшитых в аккуратные глянцевитые папки. А мы тем временем незаметно срывали с нижнего обмундирования –рубашек и френчей – погоны и также незаметно, когда отворачивался чиновник, бросали их в огонь. Хотя по всему было заметно, что он это видит и сам бы не прочь был это сделать, так как я заметил, как он машинально хватался за плечи, где намертво были вшиты его серебряные погоны коллежского асессора.

У меня мелькнула мысль остаться где-нибудь здесь и переждать события. Но оставаться в этой унылой, каменистой степи нечего было и думать. В этих каменных и саманных, наводящих тоску татарских аулах, без единого деревца, с мрачными кладбищами на окраинах, где вместо привычных наших крестов на могилах предков на татарских кладбищах торчали мрачные каменные палестинские столбы - от этого вида можно было сойти с ума…

Третье утро бегства застало нас на Мекензиевых горах. Утомлённый длительным, почти без отдыха, переходом, который мы проделали, в основном, пешком, я взобрался под утро на одну из подвод и уснул. Немец-подводчик, наверное, пожалел меня и не стал сгонять на подъёмах, и я проспал до самого белого дня. Когда я открыл глаза, то увидел, что обоз стоит. И стоит на прекрасной шоссейной дороге на какой-то высоте, а около моей подводы стоят Мишка Лапшин, Митя Галкин и…Жорка. Мы не виделись недели три. С тех пор, как выехали из Севастополя, где мы с ним встречались чуть ли не каждый день, так как конвой Донского атамана в Севастополе расформировался, и команда музыкантов конвоя, в которой служил Жорка, влилась в команду музыкантов нашего полка и теперь находилась вместе с полком в обозе первого разряда на передовой.

Занимался тихий, тёплый, по-осеннему яркий, как с позолотой картина, день. У подножия шоссе, на котором стоял наш обоз, по неширокой, но бескрайней долине, по берегам протекавшей по ней небольшой горной речушки, насколько хватало глаз, бесконечно тянулись в красивом шахматном порядке бесчисленные фруктовые деревья, уже тронутые осенним увяданием, но ещё обильно увешанные плодами. Среди деревьев, там и сям, виднелись то простые, как на Дону, крытые соломой или камышом сторожевые шалаши, то аккуратненькие небольшие кирпичные домики под красной черепицей. Около них под навесами высились пирамидки ящиков – тары. Среди деревьев уже мелькали фигуры в английском. До хрипоты заливались на цепях сторожевые псы.

- Вставай, соня! – тянул меня за шинель Жорка. – Этак ты проспишь всё царство небесное. Идём яблоки трусить, смотри их тут сколько. Есть разрешение брать кто сколько может унести, чтобы, говорят, как можно меньше осталось красным.

- Неужели правда? – вскочил я с брички и поздоровался с Жоркой. Откуда ты взял?

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Говорят, сам Врангель разрешил. Офицеры не только не запрещают брать, а даже заставляют. Да и сами хозяева этих латифундий сбежали, говорят, в Севастополь к пароходам, бросив всё на попечение сторожей и совесть защитников Крыма.

Мы бегом спустились в сады. По рядам деревьев, в основном, яблоневых, бродили совершенно беспрепятственно и солдаты, и подводчики и словно у себя в саду кто просто рвал яблоки и пихал их в сумки и карманы, кто стряхивал на землю и оттуда собирал в хозяйские ящики, а кто, усевшись прямо на чисто подметённых дорожках, с жадностью наслаждался такой дармовщиной. Подводчики-немцы не только не отставали от воинства, но даже преуспевали, таская к подводам ящик за ящиком. От группы к группе ходили бородатые сторожа-татары и ломанным русским языком просили не ломать ветки.

Жорка проявил удивительную осведомлённость. Он рассказал, что красными взят Перекоп. Бои шли на перешейке, у деревни Юшунь. Им было приказано оторваться от полка и догнать обоз второго разряда, а сотни, если отступление не прекратится, пойдут, по всей вероятности, на Керчь или Феодосию. И они вот уже трое суток гонятся за нами и только сегодня на рассвете нас догнали, а он первым долгом поспешил разыскать меня.

Часов в двенадцать дня наш обоз прибыл в переполненный Севастополь и пробрался прямо на Графскую пристань, где уже шла погрузка на пароходы каких-то важных, регулярных тыловых частей. В районе Южной бухты что-то горело. Чёрные клубы дыма то застилали бронзового, с подзорной трубой, Тотлебена во дворе Черноморских казарм, то отклонялись в другую сторону. И тогда Тотлебен, безмолвный и неподвижный, но словно живой, с сожалением созерцал с высоты своего подножия последнюю агонию осколков старой России, которые в панике спешили скорее попасть на многочисленные пароходы разных стран мира, стоявших и у причалов, и на рейде.

На Графской пристани народу всё прибавлялось и прибавлялось. А катера и шлюпки непрерывно уходили от пристани, нагружённые людьми и их чемоданами, и тотчас же возвращались обратно за новыми партиями. От них не отставали и яличники.

- Смотрите, смотрите, что делается вон на том пароходе, - крикнул Мишка Лапшин, указывая на один громадный, океанского типа, пароход, с которого в этот момент на рябь бухты летели комоды, диваны, кресла, гардеробы, перины, кровати и всякие другие громоздкие вещи – багаж.

Мы догадались. Кто-то из начальства, а может быть, и рядовое офицерство в целях того, чтобы погрузить на пароход как можно больше людей, распорядились выбросить за борт всё габаритное, погруженное заранее убегающими за границу богатыми людьми. Подражая этому, с других пароходов, словно по сигналу, стали проделывать то же самое.

- Вот что, братцы, вы как хотите, а я никуда не поеду! – внезапно и решительно заявил я.

Мне вдруг так ясно представились все дальнейшие мытарства этого бегства не столько на пароходе, как впоследствии, на чужой земле, среди чужих людей, среди чужих нравов и обычаев, с непонятным чужим языком да ещё особенно в такой стране, как Турция, куда, по слухам, будут все эвакуированы. Турок я представлял как извечных врагов казачества. Ведь на протяжении трёхвековой истории Запорожского и Донского казачества они, казаки, только и занимались тем, что воевали то с поляками, то с турками.

Эти свои исторические справки я напомнил сейчас ребятам.

- Так разве они нас поймут? Да Боже сохрани! Они нам припомнят всё: и Азов, и Измаил, и Очаков, и Карс, и Плевен с Шипкой. Сразу же попадём к каким-нибудь янычарам или башибузукам, вот и всё, вот нам и крышка! Нет, уж пусть лучше

расстреляют большевики, так будешь знать, что принял смерть на русской земле от русских людей.

Мы начали совещаться и решили все остаться. Будь, что будет! Ведь не может быть, чтобы большевики так, без разбора, всех и стреляли подряд. Ведь не звери же они, на самом деле!

Мы спорили и шумели, наверное, слишком громко и не заметили, что за нами двое наблюдают.

- Напрасно, ребята, - к нам подошёл заместитель командира полка по строевой части полковник Жиров, - я слышал ваш разговор и должен вас по-дружески предупредить. Имейте в виду, что за службу в гвардейских полках большевики вас по головкам не погладят. В лучшем случае вас ждёт вечная Сибирь. Это одно. Учтите также и то, что мы уходим не навсегда. Мы вернёмся, и горе будет тем, кто в трагические минуты истории России усомнился в нашей правоте и предал нас. Вы не обижайтесь. Это моё не офицерское, а дружеское предупреждение. А впрочем, смотрите сами. Погрузка нашего полка будет примерно через час-полтора.

Он посмотрел на часы и пошёл дальше, вдоль подвод.

Мы заколебались и решили грузиться. Примолк и я, с тоской вспомнив наш родной Тихий Дон, домашний мирный уют, отца с матерью. Там не надо было ломать голову, как поступить в ту или иную минуту жизни. Всё шло своим простым, размеренным чередом. Здесь же я совершенно одинок, советоваться не с кем и нужно все вопросы решать самому, причём, молниеносно, так как положение не ждёт… А товарищи? А что товарищи? Они так же, как и я, стоят сейчас на распутье – ехать или не ехать. На что Андрей Васильевич, этот старый служака, имеющий за плечами жизненный опыт, или Павлик Овсянкин со своим пусть не оконченным, но всё же высшим образованием, и то они приуныли, оказались беспомощными и прислушиваются чуть ли не к моему мнению.

В этот момент к нам подошёл незнакомый, стройный, средних лет человек в военном френче, но без погон.

- Простите, друзья, я стоял в стороне и слышал весь ваш разговор и уговоры полковника. Не верьте ему, товарищи!

Мы вздрогнули, впервые за три года услышав такое запретное при белых слово, а незнакомец между тем продолжал:

- Оставайтесь смело, никуда не уезжайте и ничего не бойтесь. А если вас берёт сомнение, то вот, пожалуйста, приказ самого Врангеля.

Он вынул из кармана френча два листка и протянул их к близко к нему стоявшему Овсянкину.

- Сначала почитайте вот это, а потом приказ и, если ещё будете сомневаться, то вот, смотрите, на стенах домов по всем улицам наклеены эти приказы.

Первый листок гласил (привожу на память):

«Главнокомандующему вооружёнными силами Юга России, генералу Врангелю: предлагаем вам и вверенным вам войскам прекратить кровопролитие и сдаться на капитуляцию, ибо дальнейшее сопротивление бесполезно. Гарантируем вам и вашим войскам беспрепятственный выезд за пределы России. Ответ ожидаем к… часам…сего ноября. Неполучение от вас к указанному сроку ответа считаем за неприятие наших условий, после чего Крым будет залит кровью.

Командующим Южным фронтом М.Фрунзе
Член РВС фронта Смилга Бела Кун.
11 – X! – 20 г.»

Приписка карандашом*: «Врангель на ультиматум не ответил и приказал грузить войска на пароходы».*

Второй бумажкой был подписанный Врангелем приказ, который начинался словами (тоже привожу на память):

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

«Русская армия, оставшаяся одна в борьбе с насильниками, ведёт неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда…»

Дальше Врангель обещал принять все меры к тому, чтобы погрузить на пароходы все без исключения остатки своих войск и семейств военнослужащих и эвакуировать их за границу. Он также предупреждал о том, что дальнейшие пути полны неизвестности. И вместе с этим, советовал *«всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, остаться в Крыму»*. Приказ кончался словами: *«Да ниспошлёт Господь всем силы и разум одолеть и пережить русское лихолетье!»*

Содержание приказа было не только необычно, но даже подозрительно. Но он действительно существовал и был совершенно открыто, собирая толпы военных, расклеен на стенах домов, телеграфных столбах и деревьях, на что мы сразу не обратили внимания. Человек, давший нам эти бумажки, незаметно скрылся. По-видимому, это был один из подпольных работников, который, возможно, и сам не очень-то доверял этому приказу, опасаясь провокаций. Но свежая, только что произведённая наклейка убеждала в том, что приказ действительно существовал, только что расклеен и, стращая нас, Жиров, быть может, ничего об этом приказе не знал сам.

Мы смело повернули свои подводы и поехали на Корабельную Слободку, место своей бывшей стоянки. Нас никто не задерживал.

24

Николай – наш бывший Севастопольский хозяин – обрадовался не так нашему приезду, как нашему решению остаться и ждать Красную армию.

- Ничего, ребятки, не бойтесь, вы не одни, ваших тут уже полно. Это одно, а в случае чего, я найду, что сказать о вас. Ведь я же знаю, чем вы дышите. Но вещички, какие у вас есть, давайте сюда. Их нужно подальше и понадёжней припрятать. Не удивляйтесь, так нужно. Получены сведения, что с Красной армией идут махновцы, а этим ребятам доверять особенно нельзя. Это такие парни, что не церемонятся не только с вашим братом – белогвардейцами, но и коммунистов особо не жалуют. Но их вынуждены пока терпеть и считаться с ними. Поэтому в первые дни прихода сюда красных частей советую вам по городу особенно не расхаживать. Кроме того, опасаться нужно не только махновцев. Моментом безвластия могут воспользоваться разные тёмные личности. Так что придётся потерпеть до прихода регулярных частей Красной армии. Говорят, что сюда идёт ваш земляк – товарищ Будённый.

В этот момент в комнату вбежала жена Николая Клава и крикнула:

- Началось! Там склад курочат!

Здесь же, на базарной площади Корабельной Слободки, находился наш главный вещевой и продовольственный склад. Этот склад, как базисный, за полком в Северную Таврию не отгружался и остался в резерве. Заведующим им, или как тогда называли – каптенармусом – был всё тот же вахмистр Кузюбердин, тот самый, который в Новороссийске снабдил нас шинелями, безрукавками и прочим обмундированием.

На крик хозяйки мы все выскочили из квартиры и побежали к складу. Склад действительно курочили, то есть, правильно говоря, грабили. Я, к своему удивлению, увидел здесь многих своих атаманцев и среди них Жорку, который отстал от нас при въезде в город.

- Ура! – крикнул я. – И ты тут! А я уже думал, что ты удрал к туркам!

- А я думал, что удрал ты, - тоже обрадовался Жорка. – Значит, всё! Отвоевались! Теперь нужно запасаться на дорогу. Смотри, что делается? Нас, если не укокошат красные, тут не оставят, а куда-нибудь угонят, скорее всего, добывать уголь.

Склад был битком набит атаманцами, орудовавших, главным образом, у развороченного штабеля новых английских сёдел, которые в руках атаманцев превращались в одни безобразные каркасы, так как их кожаное покрытие из добротной, почти подошвенной кожи, сдиралось до основания.

Превозмогая отвращение – мне всегда претило бессмысленное уничтожение или порча какой-либо вещи, ценности, продукта человеческого труда, я набрал в тут же подобранный мешок пуда два крупной соли, бросил туда же десятка три пачек спичек и начал пробираться к выходу. Меня окликнул Жорка:

- Слушай, Андрей, говорят, что в Северной бухте, где летом был взрыв, грузится на пароходы много наших станичников. Бежим туда, посмотрим и, может, кого отговорим.

Сдав мешок хозяйке и пригласив с собой Мишку Лапина, мы побежали к Северному причалу. Много погруженных пароходов с людьми уже стояло на рейде, ко многим ещё подходили с пассажирами и уходили от них пустыми катера. Многие стояли у причалов. Жители окраин города стояли на обрывистых берегах бухты и молча наблюдали незабываемую картину последней агонии старой России. От парохода к пароходу разъезжал на катере Врангель. Высокий и стройный, уже не в обычной своей черкеске, а в светло-серой генеральской шинели и красной гвардейской фуражке, он чётко выделялся среди своей свиты. По всей вероятности, он что-то говорил погружённым, так как при подходе к тому или иному пароходу катер замедлял ход, в воздухе мелькала красная фуражка, а с парохода неслись крики «ура».

У самого причала, где летом рвались снаряды, стояли три больших парохода, и на них нескончаемым потоком, по четыре человека в ряд, всходили солдаты какого-то добровольческого подразделения. Это было видно по нарукавным нашивкам с черепами на перекрещенных костях. Вдруг с соседнего парохода под названием «Китнос» кто-то крикнул:

- Андрей!!! Андрюшка!!! Да Черкасов же, чёрт тебя возьми, сюда, сюда смотри!…Жорка!!! Да смотрите же сюда, на спардек!

- Да ведь это Яшка Колесов, - толкнул меня Жорка, - смотри вон туда, к трубе на средней палубе. Вон, вон, машет фуражкой!

Я увидел. Да, это был Яшка, бывший ухажёр моей двоюродной сестры Таськи Ермаковой. Мы с ним не виделись около трёх лет, с тех пор, как он безжалостно был обижен Анастасией. Он тогда же ушёл от дедов в Новочеркасск и поступил в окружное управление писарем. В станице если и бывал, то очень редко и только у дедов. И, я думаю, нарочно избегал встречи со мною, чтобы как-нибудь при разговоре я не напомнил ему прошлое и не разбередил вновь туго заживающую рану.

- Тю-ю-ю! Яков! Да откуда ты?

Не - откуда, а - куда! – весело кричал он, махая нам фуражкой. Он был в английской шинели. Мёртво вшитые наплечники имели пёструю окантовку вольноопределяющегося и три лычки. Он стоял сначала на куче сложенных мешков, а потом стал пробираться к трапу, намереваясь сойти на пристань, но его «против шерсти» не пустили. Тогда Яшка начал вести переговоры с дежурными по трапу, с которыми он, видно, был на дружеской ноге, так как хлопал то одного, то другого по плечу, а потом крикнул:

- Всех, братва, нельзя, можно только одного. А так как Андрюшка старый друг, то пристраивайся, Андрей, к очереди и айда сюда!

Совершенно не подозревая, для чего Яшка приглашает меня на пароход, думая в простоте душевной, что лишь только для того, чтобы, пока идёт погрузка, поговорить о станице, о знакомых, вспомнить прошлое невозвратимое время и проститься, я, словно зачарованный, пристроился к очереди. Меня сначала хотели оттереть, но один из верхних дежурных что-то крикнул нижним, и меня пинком в спину втиснули на трап. Вскоре я очутился в объятиях друга. Мы обнимались, целовались и хлопали друг друга.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Ну, идём к нашей компании! Как я рад! Ведь, считай, почти три года не виделись и, понимаешь, вот уже два года – никого из своих. Теперь-то мы уж повспоминаем старину!

И он повёл меня к «себе», то есть на среднюю палубу, откуда махал фуражкой.

- Это мой друг, можно сказать, почти с детства. Да помните, я часто вам о нём рассказывал, - представил меня Яшка своим трём приятелям, а потом ко мне:

- Ну, садись и рассказывай, когда в последний раз был в станице? Я знаю, что больше года. Как там Настька? – и он стал засыпать меня вопросами, больше всего о том, как жила эти годы со своим мужем Анастасия. Я не успевал ему отвечать.

- А ты почему безо всего? Где твои вещи? Их что, у тебя нет или при драпе растерял?

- Вещички у меня есть, но они на квартире, - и я вкратце рассказал про себя, не утаив, что решил остаться.

- Позволь, позволь, как же это так? Как же теперь быть? Ведь я подумал, что вы бегаете по пристани и стремитесь попасть на какую-нибудь гондолу, а оно вон что! Так тебя, брат, обратно отсюда не пустят! Ну, ничего! Неужели ты на самом деле вздумал остаться под мушку красным, или гнуть на них спину в какой-нибудь шахте? Вещи-то у тебя какие?

- Да там и вещей-то – кот наплакал. Но не в вещах же дело! Я вообще никуда не хочу ехать! Я хочу обратно на берег!

- Да пойми ты, дурья голова, что этого теперь никак нельзя сделать. Тебя сочтут за сочувствующего красным и ещё шлёпнут тут же, на пристани. Знаешь, какой отпетый у нас народ – добровольцы? Кричи своим ребятам, чтобы сбегали за твоими шмотками, может быть, успеют.

- А приказ Врангеля?

- Ну, какой же ты, Андрей, наивный! Каким ты был, таким есть и сейчас. И служба тебя ничему не научила.

Я понял, что влип. И влип крепко. Яшка прав. С тоской смотрел я на ожидавших меня ребят и делал им знаки, что крепко попался и никакой надежды на возвращение к ним у меня нет. Я пробрался к борту и попросил Мишку:

- Прошу тебя, Миша, не сочти за труд, сбегай за моим мешком, может быть, успеешь. А если не успеешь, то отдай его Жорке. А тебя, Жорка, прошу обязательно сберечь если не весь мешок, то тетрадку, что лежит в нём. И, если тебе придётся всё же добраться до станицы, то передай эту тетрадку отцу и попросил его, чтобы он хранил её до моего возвращения. А я обязательно вернусь. И вот ещё что, Жора, в тетрадке есть некоторые записи, читать которые моим родителям, думаю, неудобно. Так ты возьми эту тетрадку и крепко-накрепко перевяжи её шпагатом на мёртвый узел и закажи отцу…

Жорка понимающе кивал головой. Ребята побежали, а я, невпопад отвечая на Яшкины вопросы, готов был от отчаяния рыдать. Мне до смерти не хотелось ехать на чужбину и, с другой стороны, я сходил с ума от сознания потери своего дневника, который я продолжал вести изо дня в день и на службе. Это была любовно сшитая из листков почтовой бумаги, переплетённая в коленкоровый переплёт, довольно-таки объёмистая тетрадь, в которую я аккуратно, день за днём, записывал свои наблюдения, впечатления, главные события. Некоторые записи были интимного характера и уж никак не предназначались для чтения отцом или матерью. Особенно меня беспокоили записи о Насте, о всех встречах с нею. Ефим, если не попал в Крым, наверное, уже дома. А если Егорка прочтёт мой дневник? Правда, он не из болтливых, но всё же… Эх я, чёртова дубина, как опростоволосился! Все теперь мои сокровенные мысли, все мои тайны будут читать другие. Может быть, эта тетрадка станет даже причиной разлада семьи и даже её развала. И, если мне суждено вернуться когда-нибудь в станицу, как я буду смотреть Ефиму в глаза? Писано в тетрадке много и о Татьяне на Кубани, чего не

должен знать Алексей. Интересно, где он теперь, и благополучно ли доехали до станицы Татьяна с Мариной. О Наташке тоже написано не мало. Но о ней всё в таком духе, что пусть читают все и передают ей…

- Ну, что ты, в самом деле, голову повесил? – перебил мои невесёлые мысли Яшка. – Наоборот, ты должен Бога благодарить, что так получилось. Иные ещё чёрт знает, какие деньги заплатили бы, чтобы попасть хоть на какую-нибудь шаланду, а ты попал чуть ли не на «Титаник». Стыдись! А насчёт шмоток не беспокойся. Не успеют ребята принести, ну и не надо. У меня хватит барахла и шамовки - на пятерых. А сейчас ты больше думай о том, как и с каким почётом мы будем когда-то возвращаться вот к этим берегам.

Но меня мало утешало то, что говорил мне Яшка. Я с бесконечной тоской смотрел в ту сторону, куда скрылись ребята. Прошло минут десять, ребята не показывались, да ещё и мало времени прошло.

Вдруг послышалась какая-то команда, зашипел пар, загрохотали цепи. На трапе поднялась давка и галдёж, как на ярмарке. Матросы бросились убирать трап, грузившиеся сопротивлялись. Началась свалка. В это время кто-то сбросил с причальных тумб швартовые и народ медленно, боком начал отходить от причала. Трап с людьми сначала пополз по борту, а потом обрушился нижним концом в воду. С ним вместе обрушились не успевшие соскочить на причал или взойти на пароход солдаты. Послышались отчаянные крики. Забыв на минуту своё горе, я с любопытством и страхом смотрел на барахтавшихся между причалом и пароходом в холодной, маслянистой воде людей.

А пароход всё отдалялся и отдалялся от берега. Потом сильней заработал винт, сильнее задрожала палуба, пароход стал разворачиваться и выходить на середину бухты. С берега неслись проклятия и угрозы. Послышались одиночные винтовочные выстрелы. Все на пароходе стали инстинктивно прятаться за вещи, снасти, один за другого. К счастью, стреляли или вверх, или для острастки в сторону, так как жертв на корабле не было.

Пароход отошёл на середину бухты, остановился против Братского кладбища и бросил якорь.

- Ну, Андрей, всё! – хлопнул меня по плечу Яшка. – Все пути-дороги на берег отрезаны окончательно. Давай ближе знакомиться с моими сослуживцами и нужно подкрепиться на ночь грядущую. Ребята мои хорошие – ростовчане, не казаки, но, несмотря на это, во сто раз лучше наших бессергеневских куркулей и кукушек…Давайте, ребята, потрошите мешки, а я сбегаю за водой.

Яков взял два чайника и стал пробираться через месиво людей, снастей, чемоданов, сумок к пароходной воде, а я стал знакомиться с его компаньонами. Они все трое, как и говорил Яков, были из Ростова, дети состоятельных родителей, учащиеся коммерческого училища. С первого момента они произвели на меня хорошее впечатление. Поняв моё горе, они стали меня утешать:

- Ну, что это вы так пали духом? Не горюйте, в жизни надо испытать всё, и хорошее и плохое. Когда-нибудь, так или иначе, но на Родину мы вернёмся – «со щитом или на щите». Скорее всего, на щите. Знаете, что это такое?

Я не знал. Они объяснили.

- А мы вас немного знаем из рассказов Якова. Он часто забавлял нас своими рассказами про свою любовь к вашей кузине, так, кажется? И одновременно говорил и о вашем неудачном романе…

В мешках у них оказались хлеб, консервы, масло, сало, вяленая рыба. Они всё это достали, разложили на плащ и стали дожидаться Якова. Его не было долго. Наконец, он появился с водой и стал рассказывать:

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Понимаете, у бака с водой очередь и в два чайника не дают. Рыбу, ребята, придётся отложить. Если так дело с водой будет и дальше, от рыбы, да и вообще от солёного, придётся отказаться.

От переживания нервы мои были взвинчены до предела. От этого совершенно не хотелось есть, и от еды, как ни упрашивали меня Яков и его товарищи, я отказался. Консервную же банку воды, пахнущую не то керосином, не то смазочным маслом, я выпил с наслаждением, и мне немного полегчало. Полегчало и от сознания того, что моё новое окружение подобралось, по-видимому, тоже хорошее, товарищеское. Ребята попали в эту кутерьму так же, как и я.

Из дальнейших разговоров я узнал, что все они, включая и Якова, - мои коллеги. Всю гражданскую войну служили писарями в одном из многочисленных интендантств в Ростове. В Крыму всё время жили в Севастополе на Северной стороне, часто бывали и на Малаховом Кургане.

- Странно, - говорил Яков, - как же это я ни разу не встретил ни тебя, ни Егора? Знаешь, кого я тут видел, правда, ещё летом? Алёшку, Таньки твоей мужа. Ты его не видел? Нет? Он служит в гвардейском полку, и с ним в Севастополе были ещё наши станичники. Видел я ещё Гришку Субботина на Приморском бульваре. Он служит в санитарной команде, а в Севастополе был в командировке. Больше никого не видел. А за границу из станичников удираем, наверное, только мы с тобой. Ты же знаешь, что мы поплывём и остановимся в Турции? Союзнички наши принять нас отказались. А как хорошо, Андрей, что мы с тобой встретились. Давай теперь не разлучаться друг с другом. В чужих краях, а особенно в Турции, нам нужно держаться вместе, а то в одиночку от тоски по родине сдохнешь.

Я стал благодарить Якова за его товарищеское участие, а в этот момент борт, обращённый к городу, пришёл в движение. Раздались крики:

- Смотрите, смотрите! Танки топят! Прямо с пристани – в бухту!

Действительно, из-за колоннады Графской пристани вот уже несколько минут слышался треск моторов. Сначала это не привлекло ни чьёго внимания. Но вот шум стал нарастать, и мы увидели, как с причальных площадок Южной бухты топили танки. Прямо с хода, повиснув на мгновенье над краем причала, танки стремительно потом летели вниз и скрывались под водой. Так я, хоть на мгновенье, хоть издали, причём, в необычной как для этих стальных чудовищ, так и для меня обстановке, увидел впервые танки.

Увлечённые этим зрелищем, мы не обратили сначала внимания, как над нашими головами, высоко в небе возник другой звук, звук аэропланного пропеллера. Вслед за этим звуком раздались один за другим несколько оглушительных взрывов в разных местах города. Мы догадались, что это сбрасывал на город бомбы неизвестный аэроплан, который уже исчезал чуть заметной точкой в северном направлении.

Надвигалась ночь. Последняя ночь на родной русской земле. Под перезвон склянок мы улеглись спать. Из своих запасов Яков дал мне новую английскую шинель и пару тёплого белья, которое посоветовал сейчас же надеть на себя, что проделали все четверо и они.

Но вдруг пароход задрожал. Послышался лязг якорной цепи, какие-то команды и крик:

- Отчаливаем, братцы!!!

Мы все вскочили. Редкие огни затемнённого города начали отодвигаться от нас.

- Прощай, Родина!

- До свидания, Россия!

- Да здравствует Великая, Единая, Неделимая!

- Хай живе ридна Вкраина!

- Со щитом или на щите!

И в этот момент со стороны кают послышались звуки граммофонной пластинки. Исполнялось что-то торжественно-величавое и вместе с тем невыразимо грустное. Палубный шум почти сразу утих. Все повернули головы в сторону этой музыки. Проиграв раз, пластинку завели во второй, а потом в третий раз.

Меня буквально захватили эти тоскливо-торжественные звуки. Я готов был разрыдаться от чувства связи этой грустной, величественной мелодии с тем, что делалось с нами сейчас.

- Полонез Огинского – «Прощание с Родиной», - пояснил один из друзей Якова.

У Ермаковых и у городского дяди Паши были граммофоны, и было много разных пластинок, но такой я не слышал. По-видимому, у них её не было. Иначе бы я обязательно обратил внимание и запомнил. Слишком уж чувствительна была эта мелодия вообще, а в нашем положении особенно.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com